

О. Б. БУБЕНОК

АЛАНЫ-ЯСЫ В САРКЕЛЕ – БЕЛОЙ ВЕЖЕ

На первый взгляд постановка вопроса выглядит несколько неожиданной, так как в письменных источниках эпохи средневековья нет прямого указания на то, что среди обитателей хазаро-древнерусской крепости Саркел – Белая Вежа были аланы, известные в древнерусских летописях под названием ясов. Однако не стоит быть столь категоричным в выводах. Данные средневековых нарративных документов, результаты археологических раскопок, антропологических исследований и изыскания филологического характера вполне позволяют допустить наличие алано-ясского элемента в Саркеле и его окрестностях. Разрешение данных аспектов проблемы может помочь ответить на вопрос, кто обитал в степях Восточной Европы во времена существования Хазарского каганата и древнерусского государства.

Константин Багрянородный сообщает, что Саркел был построен во времена византийского императора Феофила, который царствовал с 829 по 842 гг. [1, с. 170-171]. Кедрин и продолжатель Феофана уточняют, что эта крепость была построена между 834 и 837 гг. [2, с. 80; 3, с. 137-138; 4, с. 122-124]. По мнению Константина Багрянородного, поводом к строительству Саркела на берегу Танаиса (Дона – О.Б.) была просьба хазар и крепость построил византиец Петрона “по прозвищу Катамир” [1, с. 170-171]. Однако следует обратить внимание на наблюдения М.И.Артамонова, согласно которым “непосредственными исполнителями строительных работ в Саркеле, без сомнения, были представители местного населения”. По мнению известного историка, “присланный византийским императором по просьбе хазар Петрона и прибывшие с ним византийские специалисты, скорее всего, были советниками хазар”. Характерно, что к этим выводам М.И.Артамонов пришел в результате тщательного изучения городища, находившегося на левом берегу Дона вблизи станицы Цимлянской у хутора Попова, традиционно связываемого с легендарным Саркелом [5, с. 301-302].

Маловероятно, чтобы непосредственными строителями крепости были сами хазары, которые представляли господствующую в каганате группу населения. Вряд ли ими могли быть мадьяры или русы, так как средневековые документы не несут никакой конкретной информации об их пребывании в данном районе в начале IX в. Весьма распространенным является мнение, что основу населения Хазарского каганата составляли племена булгар [6, с. 185-186]. Однако в письменных источниках той эпохи нет прямого указания на то, что булгары обитали в степном Подонье. Поэтому весьма проблематично говорить о нахождении булгар в Саркеле. Другим наиболее многочисленным этносом Хазарского государства являлись аланы.

О нахождении Алании Константин Багрянородный дает следующие сведения: “Выше (севернее – О.Б.) Зихии лежит страна, именуемая Папагия, выше страны Папагии – страна по названию Касахия, выше Касахии находятся Кавказские горы (Кавказский хребет – О.Б.), а выше этих гор – страна Алания” [1, с. 173-174]. Таким образом, сообщение Константина Багрянородного позволяет локализовать владения аланов в Предкавказье. Как отметил Ю.А.Кулаковский, к началу X в. прикавказские аланы могли полностью избавиться зависимости от хазар [7, с. 51-54], а это находится в полном соответствии с другим сообщением Константина Багрянородного об аланах. “Эксусиократор Алании, –

пишет византийский автор в 11 главе своего трактата "Об управлении империей", – не живет в мире с хазарами, но более предпочтительной считает дружбу василевса ромеев, и когда хазары не желают хранить дружбу и мир в отношении василевса, он может сильно вредить им, и подстерегая на путях, и нападая на идущих без охраны при переходах к Саркелу, к Климатам и к Херсону. Если этот эксусиократор постарается препятствовать хазарам, то длительным и глубоким миром пользуются и Херсон, и Климаты, так как хазары, страшась нападения аланов, находят небезопасным поход с войском на Херсон и Климаты и, не имея сил для войны одновременно против тех и других, будут принуждены хранить мир" [1, с. 52-53]. Относительно происхождения упомянутых климатов, нахождения аланов и, в соответствии с этим, их возможности достигать Саркела, в среде исследователей существуют различные точки зрения и подходы.

В связи с этим вспоминается сообщение епископа Феодора, который в начале XIII в. писал о так называемых "малых аланах" следующее: "Близ Херсона живут аланы, столько же по своей воле, сколько и по желанию херсонцев, словно некое ограждение и охрана города" [8, с. 17]. Исходя из этого можно предположить, что под климатами в 11 главе трактата Константина Багрянородного могут подразумеваться владения Херсона и тогда аланы предместий вполне бы могли нести службу по охране города от нападения хазар. Однако в данном случае не совсем ясно, как могли аланы, находившиеся вблизи Херсона, преграждать хазарам путь к Саркелу. Приходится констатировать, что Константин Багрянородный в 11 главе своего трактата имел в виду не аланов Юго-Западной Таврики.

В сложившейся ситуации уместно установить, о каких климатах Константина идет речь. Многие исследователи считают, что они представляли собой владения хазар. Основанием для этого послужила информация о девяти климатах хазар, содержащаяся в 10 главе трактата "Об управлении империей". Там Константин Багрянородный пишет: "...девять Климатов Хазарии прилегают к Алании и может алан, если, конечно, хочет, грабить их отселе и причинять великий ущерб и бедствия хазарам, поскольку из этих девяти Климатов являлись вся жизнь и изобилие Хазарии" [1, с. 50-53]. Сопоставляя сведения из 10 и 11 глав сочинения Константина Багрянородного, многие исследователи высказали предположение, что в этих разделах речь идет об одном и том же, т.е. о владениях хазар. В связи с этим возникает естественный вопрос: где находились указанные климаты?

По этому поводу М.И.Артамонов писал: "хазарскими климатами здесь названы хазарские владения в Крыму или на Кавказе, заселенные оседлыми, земледельческими племенами, доставлявшими хазарам-кочевникам многие необходимые для них продукты и ремесленные изделия. Удар по этим областям был особо чувствительным для Хазарского государства" [5, с. 363]. А.П.Новосельцев в этом отношении был более категоричен. Сопоставляя сведения Константина Багрянородного с текстом письма хазарского царя Иосифа, он пришел к выводу, что "речь идет о восточноевропейских владениях Хазарии, куда не входила коренная территория последней (Приморский Дагестан и соседние территории до устья Волги)" [9, с. 108].

Еще в прошлом веке П. Бурачков попытался дать точную локализацию климатов, упоминаемых Константином Багрянородным в 11 главе его трактата. Данный исследователь поместил их в Крыму и считал, что они представляли собой часть из тех девяти климатов Хазарии. Основанием для этого послужило его суждение, что "если бы все крымские климаты принадлежали Херсонеситам, тогда для Константина не представлялось бы надобности упоминать о них трижды, отдельно от Херсона" [10, с. 238]. Отсюда последовал вывод, что поставленные в зависимость от греков крымские хазары поневоле могли являться охранителями Херсона [10, с. 238]. П.Бурачков также высказал предположение, что "если властодержец Алании мог преграждать Хазарам пути, нападая на них внезапно, при проезде в Саркел, в Климаты и в Херсон, то значит, он жил с народом

своим на берегах Керченского пролива" [10, с. 201-202]. Однако ни данные письменных документов, ни результаты археологических раскопок не несут в себе информации о существовании в X в. Боспорской Алянии.

В.А.Кузнецов, комментируя главы 10 и 11 сочинения Константина Багрянородного, высказал предположение, что под "климатами" здесь следует подразумевать владения хазар "на Северо-Западном Кавказе, в богатом земледельческом районе Нижнего и Среднего Прикубанья". В аланах, упоминаемых в трактате, исследователь склонен видеть прикавказских аланов-асов, которые, по его мнению, "могли легко перекрыть дороги от Закубанья в Хазарию", т. е. могли достигать Саркела [11, с. 16; 12, с. 80-81].

В сложившейся ситуации возникает естественный вопрос: если упоминаемые в 11 главе климаты являлись частью Хазарии, то зачем хазарам нападать на своих подданных и разорять их? Этому парадоксу И.А.Баранов пытался дать свое объяснение. По его мнению, во времена Константина Багрянородного в первой половине X в., население Крымской Хазарии состояло "из тюрков, которые в этническом плане сильно отличались от хазар". "Отношения между этими тюрками и хазарской администрацией, – пишет И.А.Баранов, – до конца хазарского владычества носили двойственный характер. С одной стороны, они были относительно независимы внутри Хазарского каганата и даже, как пишет Константин Багрянородный, могли воевать с хазарами, с другой, они были подданными каганата, платили налоги и являлись хазарским оплотом в Крыму" [13, с. 151].

Однако выдвинутое И.А.Барановым предположение находится в полном противоречии с теми выводами, к которым пришел А.И.Айбабин. Последний склонен считать, что во времена Константина Багрянородного хазар в Крыму уже не было. По его мнению, в последней четверти IX в. венгры окончательно изгнали хазар из Крыма. Свои выводы А.И.Айбабин подкрепляет результатами археологических раскопок, проведенными Т.И.Макаровой в хазарской цитадели Боспора, и данными письма патриарха Фотия, отправленного в 875 г. архиепископу Боспора [14, с. 7-8]. Исходя из этого, имеются основания трактовать сообщение 11 главы трактата Константина Багрянородного, где упоминается "Херсон и Климаты", не иначе как указание на существование в середине X в. в Крыму владений Византии, а не Хазарии. В связи с этим достаточно напомнить, что климаты Херсона неоднократно упоминаются в трактате "Об управлении империей". Имеет резон процитировать 1 главу этого сочинения: "Поскольку этот народ пачинакитов (печенегов – О.Б.) соседствует с областью Херсона, то они, не будучи дружески расположены к нам, могут выступать против Херсона, совершать на него набеги и разорять и самый Херсон, и так называемые Климаты" [1, с. 37, 281-283].

Весьма примечательно, что предположение о нахождении не хазарских, а "византийских владений в Крыму", упоминаемых в 11 главе трактата Константина Багрянородного, выдвинул еще в XIX в. Ю.А.Кулаковский. По мнению известного византолога, если аланы могли преграждать путь хазарам к Саркелу и Крыму, то они "должны были составлять часть населения Припонтийских степей" [7, с. 53-54]. К подобному выводу также пришел польский историк Т.Левицкий. Он считал, что в 11 главе сочинения "Об управлении империей" речь идет об аланах, которые обитали на Нижнем Дону [15, с. 38]. Если принять во внимание последнюю точку зрения, то сообщение, что "эксусиократор Алянии" может препятствовать хазарам достигать Саркела, климатов и Херсона, должно содержать указание на нахождение аланов в степях Северного Приазовья вблизи Саркела, откуда открывались подходы к Боспору и Перекопу.

Другим немаловажным указанием на возможное нахождение аланов-ясов вблизи Саркела – Белой Вежи могут являться известия древнерусских летописей о походе Святослава против хазар в 965 г. В большинстве списков летописей нет особых расхождений относительно последовательности событий. Древнерусские авторы об этом пишут: "В лето 6473. Иде Святослав на Козары; слышавше же Козары, и изыдоша проитиву

с князем своим Коганом, и соступишоя обои; и одоле Святослав Козаром, и град их Белую Вежу взя; и Ясы победы и Касоги" [16, с. 287; 17, с. 246; 18, с. 84]. Относительно этого похода авторы Новгородской Первой и Патриаршей (Никоновой) летописей уточняют, что Святослав побежденных ясов и касогов "приведе [к] Киеву" [19, с. 117; 20, с. 31]. Анализ упомянутых отрывков позволяет предполагать, что в 965 г. Святослав сначала напал на хазар в районе Саркела – Белой Вежи, захватил эту крепость и лишь после этого мог пойти на союзников хазар аланов-ясов и касогов, а также на сами хазарские поселения, которые должны были находиться на Нижней Волге и в Дагестане. Однако в Лаврентьевской летописи относительно последовательности этих событий имеются некоторые расхождения: "Иде Стослав на Козары. Слышавше же Козары изи[до]ша противу съ князем своим Каганом и сътупиша бить, и бивши брани. Одоле Стослав Козаромъ и град ихъ и Белу Вежу взя [и] Ясы победы и Косоги" [21, стб. 65]. Именно эта информация Лаврентьевской летописи и известия древнерусских летописей о походе Святослава на Оку и Волгу в 964 г., а также сообщение Ибн Хаукаля о походе русов против хазар, в результате которого русы захватили хазарский город Семендер и после чего отправились "в Рум и Андалус" [22, с. 44, 128; 23, с. 35], позволили В.А.Кузнецову [11, с. 25-26; 12, с. 117-118], В.В.Бартольд [23, с. 35], М.И.Артамонову [5, с. 427-428], А.Н.Сахарову [24, с. 97] и другим исследователям считать, что Святослав сначала пошел на Среднюю Волгу в страну булгар и бургасов, а оттуда, пойдя на юг и захватив хазарские города на Волге, в Дагестане и на Дону, повернул в земли ясов и касогов. Со своей стороны А.Ю.Якубовский не склонен доверять информации Лаврентьевской летописи и считает, что Святослав сначала захватил на Дону Саркел – Белую Вежу и после этого пошел на Среднюю и Нижнюю Волгу, а оттуда продвинулся на юго-запад и разгромил в районе Кавказа ясов и касогов, а потом захватил город Семендер в Дагестане [25, с. 470-471].

В сложившейся ситуации выглядит несколько странно, что только в Лаврентьевской летописи содержится фраза: "...и град ихъ и Белу Вежу взя" [21, стб. 65], тогда как в остальных списках она имеет вид – "и град их Белую Вежу взя" [16, с. 287; 17, с. 246]. Создается впечатление, что автор Лаврентьевского списка при составлении свода допустил ошибку. И поэтому весьма неубедительным выглядит маршрут похода в Святослава в 965 г. со Средней Волги на юг, на Кавказ и Дон, который фактически представляет собой надуманную комбинацию известий древнерусской летописи о событиях 964 г., сообщения Лаврентьевской летописи о походе 965 г. и информации Ибн Хаукаля о походе русов против хазар во второй половине X в. В сложившейся ситуации весьма важно обратить внимание на мнение А.П.Новосельцева, который считает, что русы совершили против хазар два похода: первый – в 965 г., а второй – в 968 г. Исследователь считает, что сведения о первом походе нашли отражения в древнерусских летописях, а известия о втором – в сообщении Ибн Хаукаля. Поэтому весьма логичным выглядит его предположение, что "Повесть временных лет" не содержит указаний на уничтожение Хазарского государства в 965 г., а лишь говорит о поражении хазар, потере ими Саркела и земли вятичей, а также о каких-то военных действиях Святослава в Подонье и Прикубанье [9, с. 220]. Исходя из того предположения, что в 965 г. Святослав пришел в район Белой Вежи со стороны Итиля (Волги), М.И.Артамонов [5, с. 427-428], А.Ю.Якубовский [25, с. 470], В.А.Кузнецов [11, с. 25-25; 12, с. 117-118] и другие исследователи склонны были локализовать ясов и касогов в Предкавказье, так как, по их мнению, русы должны были сначала захватить Семендер в Дагестане, а уж потом идти на запад.

Другая группа исследователей не склонна доверять Лаврентьевской летописи и считает, что в остальных списках "Повести временных лет" содержится достоверная информация о походе Святослава в 965 г. По мнению М.Грушевского [26, с. 462], Т.М.Минаевой [27, с. 199], Г.Ф.Турчанинова [28, с. 75; 31, с. 95-96], А.П.Новосельцева [27,

с. 220] и других исследователей, войско Святослава двигалось с запада на восток и должно было встретить ясов вблизи Саркела на Нижнем Дону, а касогов – в Прикубанье. Если принять последнюю версию похода Святослава, то весьма непоследовательной бы выглядела бы локализация владений ясов и касогов в Предкавказье. Это может свидетельствовать о значительном отклонении от основного направления похода на Нижнюю Волгу и Дагестан, где находился домен хазар. Вполне логично поэтому считать, что ясы и касоги должны были находиться вблизи Саркела – Белой Вежи, т.е. на Нижнем Дону и в Приазовье.

В сложившейся ситуации для разрешения вопроса, долгое время волновавшего умы историков, имеет резон привлечь результаты археологических раскопок и антропологических исследований, которые проводились в Саркеле и его окрестностях несколько десятилетий тому назад. По наблюдениям М.И.Артамонова, с самого начала существования крепости население Саркела состояло из двух этнографических групп. Относительно принадлежности оседлой группы населения, проживавшей в западной наиболее доступной части крепости, к салтовской культуре особых сомнений не было [5, с. 307]. Что же касается второй группы, которая размещалась в восточной наименее доступной части крепости, то эта часть населения долгое время сохраняла пережитки кочевого быта. Эти кочевники составляли военный гарнизон крепости и оставили после себя, в отличие от салтовцев, не грунтовой, а курганный могильник. Среди исследователей получило распространение мнение, что в Саркеле эта часть населения состояла из принятых на службу к кагану узов и печенегов [5, с. 308; 33].

Для нас особый интерес представляет оседлое салтовское население Саркела, обитавшее в западной части крепости. Эта группа обитала в землянках с земляными же, в виде ямки, очагами в середине пола и изготовляла на гончарном круге посуду, которая обнаруживает явное сходство с керамикой из других поселений салтовской культуры. В Саркеле среди салтовцев имели распространение также глиняные котлы с внутренними ушками, а также овальные юртообразные жилища и т. п. Оставленные этой группой населения ямные захоронения у юго-западной стены Саркельского укрепления дали основание М.И.Артамонову связать их с носителями так называемого зливкинского типа. По мнению исследователя, “сходство этого варианта с культурой дунайских болгар особенно велико, что может явиться основанием связывать памятники его с донскими болгарами” [5, с. 314]. Однако М.И.Артамонов склонен был признать, что “болгары на Дону в хазарское время письменными источниками не засвидетельствованы” [5, с. 314]. И к этому следует добавить, что данный исследователь склонен был сблизить салтовские памятники Саркела не только с болгарской культурой Добруджи и Среднего Поволжья, но и с аланской культурой Северного Кавказа [5, с. 315].

Характерно, что на обособленное положение салтовских памятников в районе Саркела обратила внимание С.А.Плетнева. Исходя из особенностей погребального обряда, материальной культуры и антропологического типа местного населения она выделила среди памятников так называемого “зливкинского” или “праболгарского” (степного) варианта салтовской культуры, имевшего распространение в степях Подонья и Приазовья, пять районов. Особое место среди них занял саркельский, который по ряду признаков отличался от соседних районов зливкинского варианта, и в то же время обнаруживал признаки, сближавшие его с памятниками лесостепного Подонья [31, с. 11-12].

В сложившейся ситуации весьма важно определить, почему все степные памятники салтовского типа связывают с булгарами. Исходя из того, что в данном районе в хазарскую эпоху получили распространение ямные погребения зливкинского типа, находившие аналогии на Балканах (на могильнике Нови Пазар в Болгарии) и на могильнике у с. Кайбелы на Средней Волге, Н.Я.Мерперт пришел к выводу о булгарской принадлежности

приазовских захоронений, так как письменные документы локализовали во времена средневековья в Нижнем Подунавье и в Волго-Камье именно болгар. Доказательством этого, по мнению Н.Я.Мерперта, могли быть обнаруженные на столь обширной территории брахикранные серии так называемого зливкинского типа, которые сочетали в себе как монголоидные, так и европеоидные черты, т. е. свидетельствовали о центральноазиатско-восточноевропейском происхождении их носителей [32, с. 33-35]. В этом мнении Н.Я.Мерперта поддержал И.И.Ляпушкин, который усмотрел присутствие болгар в наличии среди носителей зливкинского антропологического типа "явно кочевнических традиций в жилище". Очень важным аргументом в пользу присутствия болгар в степях Подонья и Приазовья хазарского времени И.И.Ляпушкин считал распространение сосудов (котлов) с внутренними ушками в местах предполагаемого расселения болгар, которые, по его мнению, могли быть оставлены только булгарами [33, 146-147]. Именно доводы Н.Я.Мерперта и И.И.Ляпушкина дали впоследствии основание исследователям связывать происхождение погребений зливкинского типа с присутствием болгар. Однако, так ли это?

Материалы, полученные при исследовании Саркела, ставят под сомнение устоявшееся мнение на этот счет. Прежде всего это касается версии о сосудах (котлах) с внутренними ушками как основного этномаркирующего признака болгар, на что указывал И.И.Ляпушкин [33, с. 146-147]. М.И.Артамонов отметил, что глиняные котлы с внутренними ушками встречаются не только в западной части Саркела, где проживало оседлое салтовское население, но и в восточной его части, где находился военный гарнизон явно не болгарского происхождения, состоявший из кочевников [5, с. 307, 314]. Из этого следует, что сосуды (котлы) с внутренними ушками имели распространение не только среди носителей салтовской культуры, но также среди печенежско-узского населения, оказавшегося в IX в. на территории Хазарского каганата.

В связи с этим особого внимания заслуживает мнение Г.Е.Афанасьева и О.В.Лопана, которые считают, что данный тип посуды своим происхождением обязан не булгарам, а аланам Северного Кавказа. По наблюдениям этих исследователей, наиболее ранние сосуды, имевшие внутри выступы для подвешивания, датируются V-VIII вв. Они имели первоначально плоское дно. Наиболее же поздние, изготовленные в IX-XII вв., стали круглодонными. В данном случае может идти речь об эволюции плоскодонных сосудов в круглодонные. Исходя из того, что наиболее ранние сосуды происходили из Кисловодской котловины, где находились поселения аланов, Г.Е.Афанасьев и О.В.Лопан пришли к выводу, что "плоскодонный кухонный горшок северокавказских оседло-земледельческих народов середины I тыс. послужил основой для постепенной эволюции в подвесной круглодонный глиняный котел" [34, с. 18-20].

Краниологические измерения, проведенные в Саркеле, позволяют также усомниться в однородности местного салтовского населения. Как отметила О.П.Артамонова, с хазарским временем следует связать погребения оседлого земледельческого населения в материковых ямах у юго-западной стены крепости и некоторые захоронения в виде подбоев под стенками жилищ, а также некоторые погребения на территории самой Саркельской крепости [35, с. 12-26]. По заключению В.В.Гинзбурга, "погребения начального периода существования Саркела показывают, что уже раннее население его было смешанным" и в него вошли компоненты "типичные для населения Южного Поволжья и Подонья". "Все мужчины и часть женщин, – уточняет далее В.В.Гинзбург, – относятся к такому же антропологическому типу, что и захороненные в Зливкинском могильнике, а также обитавшие в Правобережной крепости. Что касается женщин, относящихся к другому (долихо-мезокранному) типу, то они совершенно сходны с захороненными в Верхне-Салтовском могильнике и, следовательно, также относятся к очень близкому по культуре местному населению, хотя и к другой его же группе по происхождению" [36, с. 263-264]. Указание В.В.Гинзбурга на сходство носителей зливкинского типа из Саркела с обитателями

Правобережного Цимлянского городища позволяет вспомнить, что такие же краниологические серии имели распространение не только среди жителей Волжской и Дунайской Болгарии, но также и среди сарматов Подонья и Волгоградского Заволжья догуннского времени [36, с. 262; 37, с. 252-256]. Характерно, что к таким же выводам относительно происхождения салтовского населения Саркела пришла Л.Г.Вуич. Исследователь подвергла анализу 19 черепов, из которых 7 принадлежали мужчинам, 8 – женщинам, 1 – юноше, 2 – детям 1 года и 2-3 лет. И хотя полученные данные свидетельствуют о присутствии брахикранов Среднеазиатского междуречья, найденные там несколько долихо-мезокранных черепов средиземноморского типа позволяют также говорить о генетической связи части населения Саркела хазарское время с обитателями Верхнего Салтова [38, с. 282-294]. Приведенные О.П.Артамоновой в таблице 2 данные свидетельствуют о том, что из 25 человек, погребенных в хазарское время в Саркеле, 10 принадлежали к средиземноморскому типу, характерному прежде всего для аланов лесостепного Подонья и Северного Кавказа. Весьма характерно, что носителями этого типа было 6 женщин [35, с. 13]. С другой стороны особый интерес представляют 8 брахикранных черепов, которые отнесены к антропологическому типу среднеазиатского междуречья (САМ) [35, с. 13]. Именно такие физические особенности были присущи населению, оставившему Зливкинский могильник салтовской культуры. При этом вспоминаются указания некоторых антропологов, что носители зливкинского типа находятся в генетической связи с сарматами догуннской эпохи [33, с. 262; 34, с. 252-256]. В связи с этим уместно вспомнить предположение М.И.Артамонова, что во времена хазар "в состав тюркского по языку населения степей Восточной Европы вошли ассимилированные тюрками древние местные сармато-аланские племена" [5, с. 313]. Однако М.И.Артамонов считал, что эти племена "к хазарскому времени могли быть уже отюречены и говорили не на аланском, а на тюркском языке" [5, с. 313]. К сожалению, ни данные письменных источников, ни результаты археологических раскопок не несут в себе конкретной информации на этот счет.

Анализ черепов, обнаруженных в погребениях салтовского типа во дворе Левобережного Цимлянского городища также дал аналогичные результаты. Как отметил Б.В.Фирштейн, "по характеру антропологических типов захороненные здесь близки к захороненным в Салтовском и Зливкинском могильниках" [39, с. 411-415]. Кроме того, в этих погребениях также встречаются европеоиды-брахикраны – носители так называемых переднеазиатского (ПА), степного (Ст) и андроновского (Ан) типов. У некоторых из них отмечена монголоидная примесь [35, с. 13; 39, с. 414-415]. Несмотря на это С.Г.Ефимова и Т.С.Кондукторова пришли к однозначному выводу: "долихо-мезокранный относительно узколицый европеоидный компонент играл значительную роль в формировании антропологического состава Саркела и доминировал среди сельского населения" [40, с. 565]. Поэтому в сложившейся ситуации весьма проблематично на основе лишь результатов краниологических измерений делать определенные выводы относительно этнического состава салтовского населения Саркела. И поэтому весьма логичным является привлечение археологических материалов, которые несут в себе информацию о погребальных обрядах населения, построившего в начале IX в. Саркел. Сопоставление таких данных с результатами антропологических исследований возможно позволит ответить на вопрос: были ли в хазарское время в Саркеле и его окрестностях аланы или нет?

По данным О.П.Артамоновой, только 26 погребений оседлого населения Саркела можно с полной уверенностью связать с хазарским периодом и около 30 можно предположительно отнести к этому же времени [35, с. 11]. Из числа этих захоронений 21 погребение было сосредоточено вдоль внешней стороны юго-западной стены крепости, на сравнительно узкой полосе между стеной и рвом. На данном участке было обнаружено

около 70 ям хозяйственного и ритуального назначения. В них же и совершались захоронения людей. Особый интерес представляет конструкция таких круглых в плане могильных ям. Для них было характерно наличие конических расширяющихся ко дну стенок и плоское дно, а для некоторых – отвесных стенок и полусферического дна. Глубина таких могильных сооружений колебалась в пределах от 0,6 до 1,10 м. Диаметр этих ям находился в пределах от 0,7 до 2 м [35, с. 12].

Особый интерес представляет обряд погребения в этих круглых в плане погребальных конструкциях. Мужчины здесь хоронились в позе, отличной от той, какая была присуща женщинам. Так как диаметр могильных ям явно был меньше роста погребенных, то мужчины, несмотря на то, что были уложены головой на юг или юго-восток-восток со свободно расположенными вдоль тела одной или двумя руками, головой приподнимались так, что затылком упирались в стенку ямы. Это приводило к тому, что сильно изогнутая шея принимала перпендикулярное положение относительно остальной части позвоночника, а голова иногда оказывалась смещенной к плечу. Ноги, в зависимости от размеров, были согнуты и приподняты так, что стопы упирались в стенку ямы (рис. 1, 1). Иногда могильным ямам придавалась овальная форма, и скелет мужчины оказывался в полусидячем положении [35, с. 14].

Бросается в глаза то, что в Саркеле мужчин стремились хоронить только на спине в вытянутом положении головой на юг или юго-восток. Характерно, что такая традиция была зафиксирована на катакомбных могильниках лесостепного Подонья. Достаточно вспомнить, что в катакомбах Дмитриевского могильника, где находились полностью сохранившиеся скелеты мужчин, из 69 погребений этого типа 53 также были уложены в вытянутом положении на спине с вытянутыми вдоль туловища руками [41, с. 183-186]. Характерно, что там некоторые погребения мужчин, также как и в Саркеле, были ориентированы головой на юго-восток (рис. 1, 2). Аналогичная традиция была зафиксирована на катакомбном могильнике Маяцкого комплекса, где мужчины также были уложены на спине с вытянутыми вдоль туловища руками. Некоторые из них были ориентированы головой на юг и юго-восток-восток. Особый же интерес представляют захоронения мужчин из катакомб №№ 74 и 66. Первое из них представляло погребение мужчины в возрасте 55-60 лет, который лежал на спине с согнутыми ногами, коленями вверх. Можно вполне согласиться с мнением исследователя Маяцкого могильника В.С.Флерова, что с иным положением ног погребенный мужчина в этой маленькой камере (1,05x1,45 м) просто не мог бы поместиться. Подобная же картина наблюдается в катакомбе 66, где был захоронен мужчина в возрасте свыше 60 лет в вытянутом на спине положении, но со скрещенными в голених и чуть присогнутыми в коленях и направленными ко входу ногами. Такая поза также находит объяснение: "мужчина был уложен непосредственно у задней стенки, где мог быть вытянут во весь рост" [42, с. 21-23].

Положение же женщин в круглых ямах Саркела было иным. Пять из них лежали в скорченном положении – две спиной вверх (погр. №№ 161, 172), две – на левом боку (погр. №№ 203, 208) и одна – на правом (погр. № 59). Руки у всех были сильно согнуты в локтях, а ноги поджаты к туловищу (рис. 2, 1). Ориентированы погребенные были преимущественно головой на юг, были захоронения с северо-западной и северо-восточной ориентацией [35, с. 14]. Наибольшие аналогии с Саркелом находят женские захоронения из катакомб Дмитриевского могильника. Там, по данным С.А.Плетневой, из 71 погребения женщин 60 находились на правом (рис. 2, 2), а 11 – на левом боку. Иногда скорченные скелеты женщин были "развернуты" вверх грудью или спиной. Ноги их, как правило, были согнуты в коленях, а колени при этом были подтянуты к животу. Положение рук у захороненных было различным [41, с. 187]. На Маяцком катакомбном могильнике женщины погребались аналогичным образом, но только на правом боку. Как заметил В.С.Флеров, "по обычаю захоронения женщин в скорченной позе Маяцкий могильник

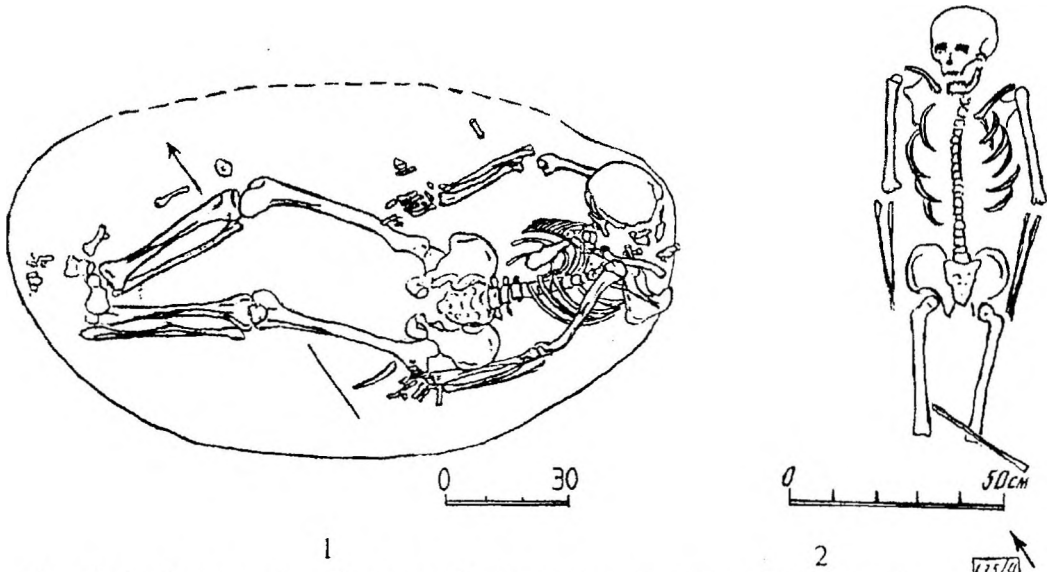

Рис. 1. Особенности погребального обряда мужских захоронений на могильниках салтовской культуры. 1 – погребение № 174 в материковой яме № 37 у юго-западной стены Саркельской крепости (по О.П.Артамоновой); 2 – захоронение из катакомбы № 135 Дмитриевского могильника (по С.А.Плетневой)

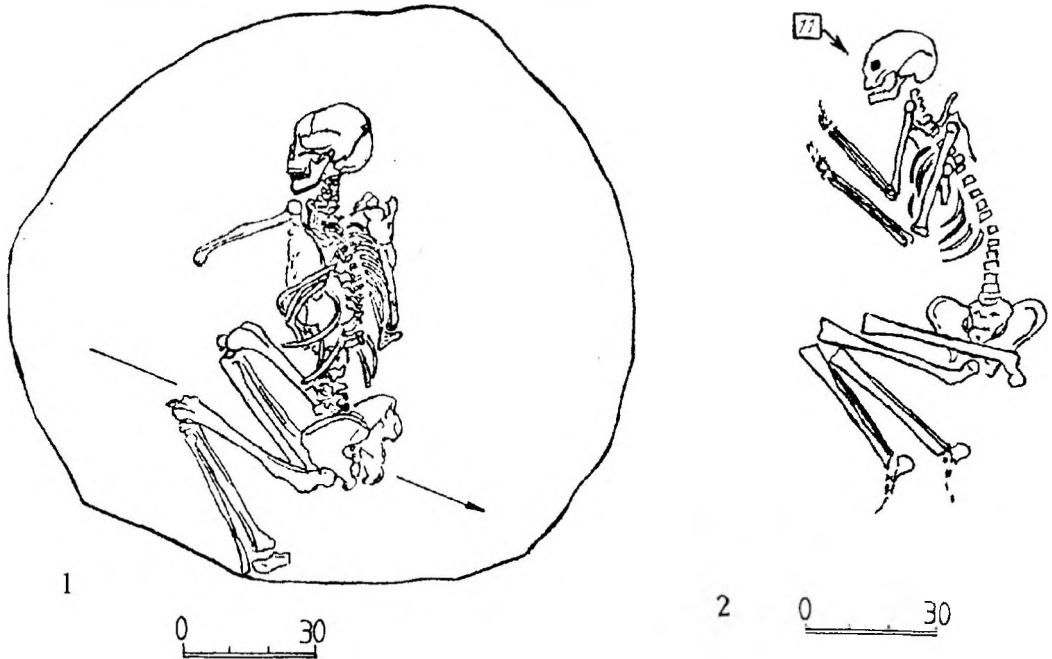

Рис. 2. Особенности погребального обряда женских захоронений на могильниках салтовской культуры. 1 – погребение № 172 в материковой яме № 38 у юго-западной стены Саркельской крепости (по О.П.Артамоновой); 2 – захоронение из катакомбы № 11 Дмитриевского могильника (по С.А.Плетневой)

входит в одну группу с Подгоровским, Дмитриевским, Нижне-Лубянским могильниками и отличается от Верхне-Салтовского, на котором женщины погребались в вытянутом положении" [42, с. 25].

Скорченные захоронения женщин на боку и вытянутые мужчин на спине широко известны на раннесредневековых катакомбных могильниках Северного Кавказа. Достаточно вспомнить захоронения в склепах могильника Байтал-Чапкан в Черкессии, который датируется V в. н. э. [44, с. 237]. Подобная традиция зафиксирована также на катакомбном могильнике VII-VIII вв. около Кисловодска [41, с. 209], а также в катакомбах Верхнего Чирюрта [45, с. 107].

Исследователи по разному пытались объяснить причины, заставлявшие хоронить женщин на боку в скорченном положении. Существует мнение, которое связывает такую позу с малыми размерами погребальной камеры. Однако возникает вопрос: почему женщин иногда хоронили в небольших катакомбах? Ведь величина катакомб не зависела от числа погребенных там и поэтому катакомбы заведомо должны были сооружаться как семейные усыпальницы, в которых суждено было лежать как мужчинам, так и женщинам [45, с. 107]. По мнению С.А.Плетневой, данная поза должна была символизировать социальную приниженность женщины, ее неравноправность с мужской частью населения [46, с. 76]. В.С.Флеров считает, что такое трактование находится в противоречии с вытянутым положением покойниц на Верхне-Салтовском могильнике, где социально-семейный статус женщин не мог быть выше, чем у женщин из общин, практиковавших скорченную позу. По мнению В. С. Флерова, "в вытянутой позе женщин на Верхне-Салтовском могильнике следует видеть сохранение здесь древней сарматской традиции, которая у других группировок носителей катакомбного обряда салтово-маяцкой культуры уже была изжита" [42, с. 25].

Относительно последнего хочется возразить. Весьма неубедительно мнение, что вытянутые на спине захоронения женщин – это пережиток сарматской эпохи, а скорченные на боку – новация хазарского времени. Археологические раскопки свидетельствуют, что уже в сарматскую эпоху погребальный обряд племен юга Восточной Европы отличался большим разнообразием. Скорченные погребения на боку догуннской эпохи были зафиксированы под курганными насыпями в степном Поднепровье И.П.Савовским [47, с. 62, 65], в бассейне Северского Донца Е.П.Трифилевым [48, с. 134-135]. Весьма примечательно, что скорченные на боку захоронения сарматской эпохи были представлены как мужскими, так и женскими погребениями. В этом их основное отличие от аналогичных захоронений раннего средневековья на Северном Кавказе, лесостепном Подонье и Саркеле, где таким образом хоронили только женщин.

По наблюдениям А.П.Моци, отдельные скорченные погребения как мужчин, так и женщин в первой половине I тыс. н. э. были известны среди носителей черняховской культуры, а в раннее средневековье – не только среди салтовского населения, но и среди протоболгар и жителей Скандинавии. В более же позднее время они имели место на территории Древней Руси в Западной и Восточной Волыни, в Поросье, на Днепровском Левобережье, в Белоруссии и на Рязанщине [49, с. 101-104]. Очевидно, что объяснение традиции хоронить женщин в скорченном положении на боку, следует искать в идеологических представлениях аланов и других этносов раннего средневековья. По наблюдениям С.А.Плетневой, женщина у аланов лесостепного Подонья занимала особый социальный статус. Исследователь считает, что аланские женщины выполняли функции не только хозяйек, но и домашних жриц. Поэтому они наделялись особыми сверхъестественными способностями [50, с. 12, 15]. По данным нартовского эпоса осетин, хозяйка дома Сатана являлась хранительницей домашнего очага и обладала даром превращаться в лису, причем использовала этот дар в период своих свадебных игр [51, с. 131]. Свидетельством особых жреческих функций аланских женщин могут являться

найденные в катакомбах кости лисы и так называемые “солнечные амулеты” – бронзовые круги со спицами, кони, всадники на грифонах и т.п. [50, с. 15]. Очевидно страх перед магической силой, воплощенной в женщине, мог быть той причиной, по которой некоторые захороненные в катакомбах женщины имели перекрещенные (связанные) ноги [50, с. 15].

Этим же обстоятельством можно объяснить, почему женщины у аланов лесостепного Подонья и Северного Кавказа, а также среди салтовского населения Саркела хоронились в скорченном положении на боку. А.П.Моця, опираясь на данные этнографии, пришел к выводу, что скорченные скелеты являются отображением своеобразного обряда погребения колдунов. По мнению исследователя, суеверные “люди пытались обезопасить себя от умершего представителя “первобытной религиозной интеллигенции” путем связывания их веревками, завязывания в мешках, подрезанием подколенных жил”. Все это делалось для того, “чтобы мертвый не встал из гроба” [49, с. 105].

Общие черты среди ямных погребений Саркела и катакомбных могильников Северного Кавказа и лесостепного Подонья обнаруживаются также в наличии так называемых групповых захоронений. Таких захоронений в круглых ямах Саркела было обнаружено 3. Для них характерно то, что там дети и подростки были погребены вместе с взрослыми. Особый интерес представляет групповые захоронения в яме № 52, где был похоронен подросток и взрослая женщина, и что характерно – оба погребенных находились в скорченном положении на боку, но друг к другу спиной (рис. 3, 1). Второе аналогичное захоронение было обнаружено в яме № 37 и содержало останки ребенка в возрасте до 1 года и скелет мужчины соответственно в вытянутом положении на спине. Вне пределов могильника, внутри крепости была открыта яма овальной формы № 53 с останками женщины и ребенка (погр. № 235А и 235Б). Для этого могильного сооружения характерно то, что на самом дне, у стенки ямы находился череп ребенка лет десяти, а над ним – череп женщины возмужалого возраста. Кости скелета были сдвинуты на середину ямы и сохранились не полностью. По мнению О.П.Артамоновой, в данном случае речь идет о повторных погребениях останков умерших, “первоначально находившихся в каком-то другом месте и уже частично утративших мускулатуру и сухожилия” [35, с. 25-26]. Однако в данном случае следует вспомнить мнение В.С.Флерова, согласно которому существование таких нарушенных костяков среди племен салтовской культуры может являться следствием своеобразного обряда обезвреживания погребенных [42, с. 53-60]. Весьма характерно, что разрушенные скелеты зафиксированы, в первую очередь, во многих катакомбах лесостепного Подонья и Северного Кавказа [41, с. 183-248; 42, с. 43-51].

Традиция хоронить детей вместе со взрослыми характерна не только для погребений Саркела, но и для захоронений в катакомбных склепах Дмитриевского и Маяцкого могильников. На Маяцком некрополе групповые погребения женщины и ребенка были обнаружены в семи катакомбах. Здесь, как и в Саркеле, женщины укладывались в скорченном положении на правом боку. Однако ни в одном из случаев положение детских скелетов не удалось проследить. Возраст погребенных женщин варьирует от 17-22 до 60 лет, а детей – от грудного до четырех-шестилетнего возраста. В.С.Флеров считает “что перед нами как погребения молодых матерей с детьми, так и бабушек с внуками” [42, с. 32]. Что же касается групповых захоронений мужчин и детей в катакомбах, то их на Маяцком могильнике всего три. Мужчины там укладывались, как и в Саркеле, вытянуто на спине. Сохранившийся же в катакомбе № 115 скелет мальчика 7-8 лет, в отличие от Саркела, находился в “мужской позе” вытянуто на спине. Возраст погребенных мужчин от 30 до 45 лет и соответственно детей 2-4 и 7-8 лет позволил В.С.Флерову “считать их отцами и детьми” [42, с. 34].

На Дмитриевском катакомбном могильнике была также отмечена аналогичная ситуация. Там были зафиксированы три катакомбы, где находились останки мужчины и ребенка (кат. №№ 75, 91, 138). Мужчины были погребены в обычной для них позе –

вытянуто на спине, а детские погребения или были сильно разрушены или их кости сильно истлели. Захоронения же женщин с детьми были обнаружены на Дмитриевском могильнике в восьми катакомбах (№№ 56, 60, 64, 95, 99, 129, 130, 152). Многие скелеты там оказались разрушенными. Исключение, быть может, составляет катакомба № 130 (рис. 3,2). Характерно, что такие захоронения в камерах имели угольную подсыпку под погребенными. По мнению С.А.Плетневой, здесь мог иметь место посмертный обряд "усыновления" [41, с. 209-211]. Таким образом, можно высказать предположение, что групповые захоронения в ямах Саркела, как и в катакомбах Дмитриевского и Маяцкого могильников, могли представлять собой погребения ближайших родственников. Весьма примечательно, что к такому же выводу пришла О.П.Артамонова [35, с. 15].

Из салтовских захоронений Саркела следует также особо выделить женское погребение № 213, обнаруженное в яме с подбоем. Данное погребальное сооружение представляло собой четырехугольный в плане глубокий колодец, который имел три отвесных стенки, а четвертая как будто бы спускалась уступами. На самом дне колодца во всю ширину юго-западной стенки был сделан подбой, в котором находился череп и разрушенный неполный скелет женщины (рис. 4, 1). Аналогичные погребения в ямах с подбоем были обнаружены среди катакомб на Верхнесалтовском, Дмитриевском и Маяцком могильниках в лесостепном Подонье. Отличительная черта верхнесалтовских захоронений данного типа – это то, что они содержали исключительно детские захоронения и поэтому представляли с ямными захоронениями Верхнего Салтова одно целое. Весьма типичной для них была северо-западная ориентация [53, с. 52-53].

В подбоях же Дмитриевского и Маяцкого могильника, как и в Саркеле, хоронили преимущественно взрослых мужчин и женщин. На Дмитриевском могильнике подбойных погребений было обнаружено три. Там размеры подбоев не всегда совпадали с размером входных ям. Данные подбойные захоронения содержали погребения двух женщин, похороненных на спине, где одна была в вытянутом положении, а вторая – в скорченном, и захоронение мужчины – в вытянутом положении на спине. Как отметила исследовательница Дмитриевского могильника С.А.Плетнева, "подбойные могилы не типичны для алан". И тем не менее она склонна считать, что "в ямных, так и в подбойных могилах иногда погребались и аланы" [41, с. 259]. На Маяцком же могильнике В.С.Флеровым было обнаружено всего четыре подбойных захоронения. Для данных погребальных сооружений Маяцкого могильника было характерно прежде всего то, что входные ямы здесь были короче самих подбоев и их длинная сторона была обращена к самому подбою (рис. 4,2). В.С.Флеров не решился дать этническую атрибуцию подбойных захоронений, однако весьма убедителен его вывод, что сам факт сосуществования подбойных погребений "с носителями катакомбного обряда и общность материальной культуры свидетельствуют о тесной связи с основной частью маяцкого населения" [42, с. 39-42].

Очень важной чертой, которая сближает памятники хазарского времени в Саркеле с одновременными им салтовскими памятниками лесостепного Подонья, является наличие захоронений на месте заброшенных жилищ. Особый интерес представляет погребение № 170, обнаруженное в северо-западной стене постройки № 12 у юго-западной стены саркельской крепости (рис. 5, 1). Дно подбоя было ниже пола постройки, длина – 1,75 м., ширина – 0,5 м., максимальная высота – 0,35 м. В подбое совершено захоронение пожилой женщины – европеоида-мезокрана. Ориентирована она головой на юго-запад и уложена в строго ритуальной позе – вытянуто на спине с руками вдоль туловища и черепом на правом виске [35, с. 20, 199; 54, с. 67]. Захоронения в жилище были обнаружены также на территории Саркельской крепости на дне постройки № 12. Там вдоль северо-западной и юго-западной стены были зафиксированы останки мужчин – европеоидов смешанного типа. Возраст мужчин возмужалый, оба ориентированы головами на северо-запад. Инвентарь, относящийся к хазарскому периоду, был обнаружен у того мужчины, который

был захоронен в юго-западном подбое [35, с. 20; 54, с. 47-48].

Необходимо отметить, что погребения в жилищах хазарского времени были обнаружены в лесостепном Подонье на Маяцком и Дмитриевском селищах. Маяцкие погребения отличаются от саркельского тем, что оно представляет собой катакомбную могилу, которую пересекало жилище № 2 с северо-востока на юго-запад [55, с. 99-101]. Обнаруженное же на Дмитриевском селище жилище с погребением в подбое (рис. 5, 2) было весьма похоже на саркельское погребение № 170 в жилище № 12 возле юго-западной стены крепости. Подбой вдоль южной стенки дмитриевского жилища представлял собой довольно длинную и глубокую нишу (1,8x0,8 м), которая на 0,12-0,15 м была ниже уровня пола жилища. На дне подбоя головой на северо-восток на левом боку в скорченном положении лежал скелет пожилой женщины. То, что при сооружении подбоя для совершения погребения была разрушена стена и пол жилища, дало основание С.А.Плетневой предполагать, что "жилище после произведения в нем погребения забрасывалось" [41, с. 65-67]. Характерно, что захоронения в заброшенном жилище встречаются и на селище Верхнесалтовского комплекса. К сожалению, данное селище Верхнего Салтова не исследовалось планомерно и такие случайные находки не нашли свое отображение в публикациях.

Трудно дать объяснение салтовской традиции хоронить умерших в заброшенных жилищах. С.А.Плетнева считает, что "подобное решение происходило из соображений религиозных или общественных: владелец дома был человеком, недостойным для похорон на общественном кладбище (колдун, изгой, предатель и пр.)" [41, с. 67]. В связи с этим уместно вспомнить, что два погребения мужчин в жилище № 12 на территории Саркельской крепости представляли собой в антропологическом отношении метисов, которые несли в себе черты европеоида среднеазиатского междуречья (брахикраны зливклинского типа) и переднеазиатского типа. С.А.Плетнева даже сделала предположение, что в данном случае речь идет о потомках евреев, "так как в IX в. в Хазарии иудейство стало официальной религией, а вместе с ним в стране появились и евреи" [54, с. 48].

В яме № 37 возле юго-западной стены Саркела между погребениями мужчины и ребенка (№№ 174 и 189) были специально положены кости лошади – череп, передняя часть грудной клетки и кости одной ноги. А в яме "Б" комплекса ям № 1 под разрушенным погребением № 232 был также обнаружен череп лошади. Целый скелет лошади был найден в яме № 8 под женским погребением № 76, на самом дне, отделенный от человеческих костей рыхлой засыпкой. Еще О.П.Артамонова высказала предположение, что ближайшие аналогии саркельским захоронениям с костями животных имеют место на Дмитриевском могильнике [41, с. 16-17]. В связи с этим особый интерес представляет захоронение коня и женщины в дромосовидной яме № 12 Дмитриевского могильника. В траншее дромоса на глубине 0,8 м лежал вытянуто на спине скелет женщины-брахикрана, а под ним скелет коня [41, с. 250-251].

Таким образом, особенности погребального обряда строителей Саркельской крепости, а также долихокранный антропологический тип основной массы этого населения позволяют говорить о генетической связи оседлых жителей Саркела с носителями катакомбной традиции лесостепного Подонья и Северного Кавказа. Поэтому неправомерным может являться отнесение ямных захоронений Саркела к "праболгарскому" варианту салтовской культуры [31, с. 11-12]. Исходя из данных проведенного исследования, мы можем с полной уверенностью утверждать, что ямные захоронения хазарского времени в Саркеле имели больше общих черт с погребениями в катакомбах лесостепного Подонья, чем с захоронениями в ямных могилах у х. Зливки.

Возникает естественный вопрос: почему обитатели Саркела хоронили своих умерших именно в круглых ямах, а не в погребальных сооружениях иной конструкции. С.А.Плетнева считает, что "погребения в круглых ямах людей и животных также в той или иной степени

связывались с огнем, поскольку совершались на угольной подсыпке и бывали засыпаны землей с большой примесью золы и углей" [54, с. 92]. Однако такое объяснение выглядит несколько упрощенным. Весьма примечательно, что круглые в плане погребальные ямы были обнаружены на могильнике у х. Зливки и на Маяцком городище. В Зливках была зафиксирована только одна круглая яма Д, где оказалось погребение человека [41, с. 20]. На Маяцком городище наблюдалась почти полная идентичность трех ям саркельским. У этих круглых в плане могильных сооружений стенки в верхней части шли отвесно, а через некоторый промежуток конически расширялись. Диаметр и глубина этих ям мало отличались от саркельских. В них находились разрозненные человеческие кости, кости домашних животных и обломки глиняной посуды [41, с. 20-21; 56, с. 153-163]. Данное обстоятельство заставляет высказать предположение, что возникновение таких погребальных сооружений могло быть в какой-то мере связано с катакомбным обрядом. Ямные и овальные сооружения в плане и разрезе очень напоминают захоронения в катакомбных склепах. С другой стороны не стоит забывать, что во дворе Саркельского городища было обнаружено погребение (№ 3), которое фактически представляло собой катакомбу салтовского типа (рис. 6). К сожалению, данное погребальное сооружение было разрушено. Но несмотря на это удалось установить, что здесь квадратный колодец соединялся с катакомбой с плоским дном и полусферическим перекрытием (выс. – 0,5 м; дл. – 1,6 м; глубина – 0,4 м). От скелета вследствие разрушения катакомбы сохранились только голеностопные суставы и разрозненные кости стоп [41, с. 20]. К сожалению, на территории саркельского комплекса больше не удалось зафиксировать катакомбные захоронения. Однако погребения в катакомбах были обнаружены вблизи Саркела. Так, на селище соседнего Правобережного Цимлянского городища в яме одного из жилищ был раскопан небольшой подбой, явно напоминающий салтовскую катакомбу. Как отметила С.А. Плетнева, "поскольку вырыть катакомбу в песке невозможно, купол ее могли изготовить просто из дерева (плетенный, дощатый) и завалить землей" [57, с. 307]. Данные находки вполне закономерны, так как на Правобережном Цимлянском поселении было обнаружено несколько черепов долихокранного типа, что может свидетельствовать о присутствии здесь той же группы населения, что и на Левобережном Цимлянском городище (Саркеле – О.Б.) [58, с. 301, 307]. И нет ничего удивительного в том, что в конце пятидесятих годов нынешнего столетия недалеко от Правобережного Цимлянского городища близ Аксяя (в балке Большой Луг) был обнаружен катакомбный могильник [59, с. 6]. Данные находки могут свидетельствовать в пользу существования в окрестностях Саркела населения, находящегося в генетической связи с аланами лесостепного Подонья и Северного Кавказа.

Складывается впечатление, что подбойное женское захоронение № 213 у юго-западной стены Саркельской крепости (рис. 4, 1) представляет собой переходную форму от катакомбных погребений к захоронениям в круглых ямах у юго-западной стены крепости (рис. 1, 1; 2, 1; 3, 1). В данном случае можно говорить о том, что в Саркеле конструкция катакомбных захоронений с самого начала претерпела процесс трансформации. Возможно, что первоначально для совершения захоронения стали вместо катакомб сооружать ямы с подбоями, а впоследствии перешли к ямам круглой формы, которые уже не содержали подбоя и входного дромоса.

Однако непонятно, почему в Саркеле, в отличие от других районов Хазарского каганата, где жили аланы, очень рано отказались от традиции хоронить умерших в катакомбных склепах. С одной стороны это можно объяснить влиянием булгарских племен, для которых, как считают многие исследователи, была характерна традиция захоронения в простых грунтовых ямах прямоугольной формы. И поэтому вполне закономерным может выглядеть предположение о своеобразном симбиозе погребальных традиций оседлого населения Саркела, которое по своему происхождению было весьма неоднородным. Однако, как показали археологические и антропологические исследования, носителей

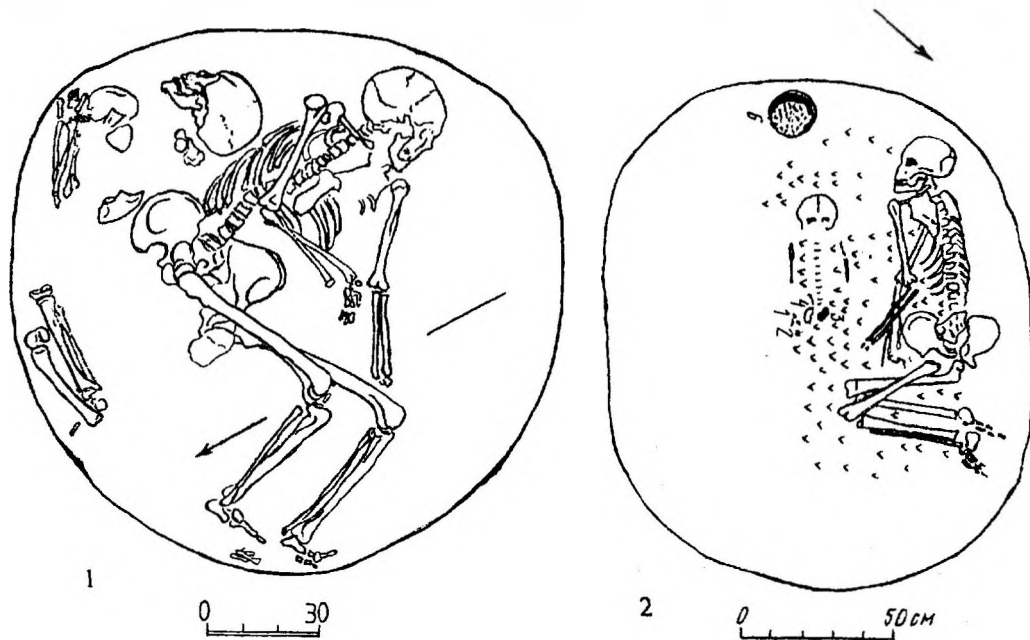

Рис. 3. Особенности погребального обряда групповых захоронений на могильниках салтовской культуры. 1 – погребение подростка и взрослой женщины в материковой яме № 52 у юго-западной стены Саркельской крепости (по О.П.Артамоновой); 2 – погребение женщины и ребенка в камере катакомбы № 130 Дмитриевского могильника (по С.А.Плетневой)

собственно зливкинской традиции в самом Саркеле было крайне мало. С другой стороны, можно предположить, что чисто практические соображения не позволяли сооружать катакомбы, которые должны были иметь кроме погребальной камеры также дромос. Если посмотреть на план расположения салтовских погребений, то можно отметить, что они находились на узкой площадке, затиснутой между юго-западной стеной Саркельской крепости и рвом (рис. 7). Быть может ограниченностью пространства можно объяснить, что строители крепости отказались от прежней традиции и поэтому умерших стали хоронить в круглых ямах, которые в плане и в разрезе фактически напоминали собой несколько уменьшенные катакомбные склепы. Таким образом, можно вполне согласиться с мнением С.А.Плетневой и Г.Ф.Турчанинова, которые считают, что население Саркела было полиэтничным и среди жителей этой хазарской крепости были аланы [29, с. 170: 54, с. 154]. И поэтому имеются основания доверять сведениям Константина Багрянородного и “Повести временных лет” относительно пребывания аланов-ясов в степях Нижнего Подонья, в непосредственной близости от Саркела – Белой Вежи в X в. [1, с. 51-53; 16, с. 287]. В связи с этим возникает естественный вопрос: когда в указанном регионе появились первые аланские переселенцы?

О.П.Артамонова на основе анализа стратиграфии могил оседлого населения Саркела пришла к однозначному выводу: “совершенно несомненно, что погребения в ямах и подбоях относились или ко времени постройки крепости, или к первому периоду жизни в ней (как, например, погр. 233 и 234 в жилой полуземлянке 12), и принадлежали населению салтовской культуры” [35, с. 24-25]. Как нам удалось установить, Саркел был построен в 30-е годы IX в. [1, с. 170-171; 2, с. 80; 3, с. 137-138; 4, с. 122-124]. Отсюда естественно следует вывод, что уже в первое десятилетие IX в., а возможно и раньше, в районе Саркела могли существовать поселения аланов. В связи с этим интересно было бы выяснить,

вследствие каких событий и когда аланы могли переселиться с Северного Кавказа в степи Подонья.

В современной археологической литературе существует несколько версий относительно переселения аланов в первой половине VIII в. с территории Северного Кавказа в лесостепное Подонье [6, с. 184-186; 60, с. 296-300; 61, с. 48-64]. В связи с этим особый интерес вызывает предположение С.А.Плетневой, согласно которому аланы-переселенцы во время своего передвижения в лесостепь должны были пройти через донские степи [6, с.185]. Можно высказать предположение, что часть этих аланов задержалась и осела в том районе, где впоследствии возникли Правобережное Цимлянское и Левобережное Цимлянское городища.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы археологического, антропологического и эпиграфического характера позволяет предполагать, что после 965 г. в древнерусскую крепость Белая Вежа, бывший Саркел, продолжало переселяться население с территории Северокавказской Алании. На эту мысль наводят результаты исследований христианских некрополей Белой Вежи древнерусского периода. Данные археологии свидетельствует в пользу того, что уже в XI в. носители восточного и западного вариантов аланской археологической культуры Северного Кавказа в большинстве своем отказались от традиции погребать своих умерших соплеменников в земляных и скальных катакомбных склепах. В послехазарский период в горах Северного Кавказа возобладала традиция захоронения в каменных ящиках и подземных склепах. По мнению В.А.Кузнецова, это явилось качественной трансформацией катакомбной традиции и результатом ее слияния "с традиционно местным погребальным обрядом" [62, с. 68-70]. Наиболее показателен в этом отношении христианский могильник XI-XIV вв. вблизи Нижнего Архыза на Центральном Кавказе, где погребения совершались в каменных ящиках. По данным В.А.Кузнецова, погребальный обряд здесь был устойчивым: все погребенные лежали на спине, с вытянутыми конечностями, головой на запад. Здесь наблюдались индивидуальные погребения, но встречались и парные захоронения мужчин и женщин. В каменных ящиках Нижнего Архыза были зафиксированы и пережитки языческого культа – обязательное наличие древесного угля, мела, реальгар в виде кирпичной крошки, а также в некоторых могилах каменные плитки под головой погребенного. Иногда встречались и сдвинутые человеческие кости, которые, безусловно, представляли собой остатки более ранних погребений. Особый интерес представляет немногочисленный инвентарь, находящий аналогии на Змейском катакомбном могильнике XI-XII вв.: бронзовые кресты-нательники, мелкие стеклянные бусы, бронзовые кольца, литые пуговицы и т. п. [11, с. 182-183].

Однако могильники предмонгольского времени вблизи ст. Змейский и городища Верхний Джулат в Северной Осетии свидетельствуют о распространении других традиций погребального обряда. На Змейском могильнике, датированном XI-XII вв., продолжали хоронить по старому аланскому обряду в катакомбах, хотя там были уже найдены нательные крестики, что свидетельствует о распространении христианства [63, с. 62-135; 64, с. 93-98]. Что же касается кладбища Верхнего Джулата, датированного XII-XIII вв., то здесь погребения совершались по христианскому обряду в деревянных гробах [64, с. 98; 65, с. 87-106]. Проведенный анализ черепов Змейского и Верхнеджулатского могильников позволили В.П.Алексееву и К.Х.Беслексевой прийти к выводу, что "в составе населения, оставившего эти могильники, преобладал морфологический тип, характерный для местных автономных групп (брахикранов кавкасионского типа – О.Б.)". На основе этого было сделано предположение, что "за время своего пребывания на Кавказе, и в частности в Северной Осетии, аланы включили в свой состав значительный процент местного доаланского населения" [66, с. 109, 120]. Однако следует признать, что Змейский и Верхнеджулатский могильники представляли собой скорее нетипичные для Алании XI-XIII вв. некрополи и лишь являлись исключением из общей массы памятников.

По наблюдениям В.П.Алексеева, в предмонгольский период Северный Кавказ был зоной распространения двух антропологических типов: массивного, относительно широколицего, с тенденцией к круглоголовости, и грацильного, узколицего, длинноголового. На западе Северного Кавказа, по наблюдениям исследователя, преобладал последний антропологический тип. В связи с этим уместно привести в качестве примера серии черепов из могильников Прикубанья – Теберда, Адиюх, Кунакир и т. п. Исключение составляет лишь могильник “Мошечая балка”, из которого получена массивная, и сравнительно широколицая серия [67, с. 281]. К этому следует добавить предположение М.М.Герасимовой, согласно которому вплоть до конца XVIII в. потомки северокавказских аланов – осетины – сохраняли свой прежний антропологический тип, для которого была характерна длинноголовость и грацильность. По мнению исследователя, “переселение осетин обратно в предгорье и демографическая катастрофа конца XVIII – начала XIX вв. способствовали более интенсивному вовлечению в интеграционные процессы горского населения” [68, с. 51-62]. Отмеченные в Саркеле данные долихокранные черепа получили название “средиземноморского типа” (СЗМ) и связывались с краниологическими сериями катакомбных могильников Северного Кавказа и лесостепного Подонья [69, с. 267]. Данный антропологический тип в классификации В.В.Бунака получил название “понтийского” [70]. Весьма характерно, что средиземноморский (понтийский) антропологический тип имел широкое распространение в древнерусский период в крепости Белая Вежа.

Долихокранные черепа средиземноморского типа были обнаружены на христианских кладбищах Белой Вежи возле оборонительных стен в насыпях 19/1, 24/6, 24/1, а также на

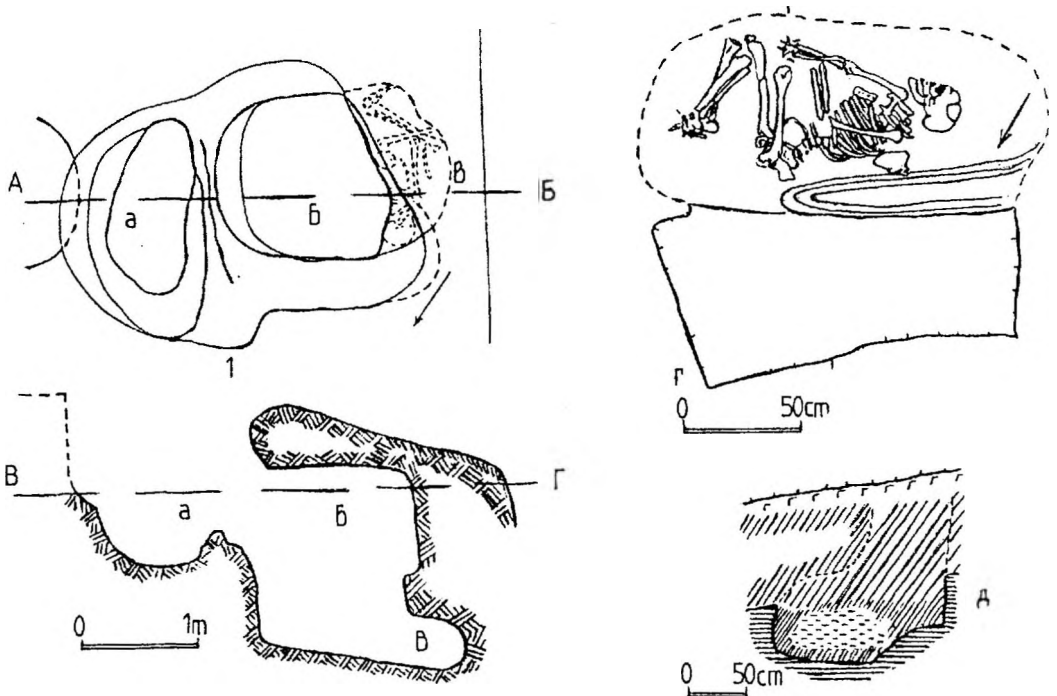

Рис. 4. Подбойные захоронения салтовской культуры. 1 – погребение № 213 у юго-западной стены Саркела (по О.П.Артамоновой); 2 – погребение № 132 на территории Маяцкого могильника (по В.С.Флерову)

могильнике возле юго-западной стены крепости [69, с. 275-277; 71, с. 318, 324; 72, с. 355]. В этих насыпях носители долихо-мезокранного средиземноморского типа были представлены преимущественно мужчинами, хотя встречалось немало женских черепов этого же типа [71, с. 324]. Что же касается могильника у юго-западной стены, то встречающиеся здесь черепа средиземноморского типа получили распространение преимущественно у мужской части населения [69, с. 277].

В.В.Гинзбург относительно того, что долихокранные и брахикранные черепа Белой Вежи находят аналогии с местным краниологическими сериями предшествовавший хазарской эпохи, сделал предположение, согласно которому отмеченные нами могильники служили "кладбищем населения преимущественно местного происхождения, потомкам местных сарматов и аланов" [69, с. 275]. Однако следует иметь в виду, что средиземноморский (понтийский) антропологический тип имел распространение не только среди аланов, но и среди славян, особенно северян [73], которые могли переселиться в Саркел после событий 965 г. С другой стороны, новые особенности погребального обряда захоронений XI-XII вв., которые находят прямые аналогии в памятниках Северного Кавказа XI-XII вв., заставляют говорить о миграции кавказских аланов в древнерусский город Белую Вежу.

В связи с этим особый интерес вызывает христианский могильник древнерусского времени у юго-западной стены крепости Белая Вежа (рис. 7). Вполне не случайно здесь в конце X – начале XII вв. хоронили носителей средиземноморского типа (табл. I). Нами уже было отмечено, что в хазарское время здесь предположительно могли проживать выходцы с Северного Кавказа – аланы. Для многих средневековых городов, в том числе и для Белой Вежи, могла иметь место традиция отводить отдельные участки городского некрополя для представителей конкретных этнических групп. Весьма интересно, что на могильнике у юго-западной стены Белой Вежи было отмечено существование в восьми могилах кирпичных обкладок (табл. I). Некоторые из них (погр. №№ 198, 113 и 111) сохранились полностью, другие были частично нарушены позднейшими погребениями (погр. № 88). Встречались могилы (погр. №№ 5, 51, 64, 65), стенки которых были укреплены кирпичами частично или только в голове погребенного, или в голове и плечах [35, с. 37]. Как уже указывалось, в XI-XII вв. подобные захоронения получили широкое распространение на территории Кавказкой Алании. Однако стенки могил там обкладывались не кирпичами, а каменными плитами [11, с. 182-183]. В связи с этим вспоминается сообщение Константина Багрянородного, относительно того, что в районе Саркела "не было подходящих для строительства камней". И совсем не случайно строитель Саркела Петрона стал строить печи и обжигать в них кирпич, из чего и была построена крепость [1, с. 172-173]. Поэтому можно предположить, что из-за нехватки каменных блоков и плит были использованы кирпичи, которые их заменили. С другой стороны следует обратить внимание на то, что могилы №№ 103, 145, 149 и 162 у юго-западной стены Белой Вежи, как и на Северном Кавказе, содержали двойные погребения. Причем здесь преобладали захоронения мужчин и женщин, где в трех случаях мужчины являлись носителями средиземноморского антропологического типа (табл. I). В связи с этим особый интерес представляет наблюдение О.П.Артамоновой, что "к тому же антропологическому типу относится и население Салтовских городов и поселений, хоронившее своих умерших в семейных катакомбах усыпальницах, и весьма вероятным кажется частичное сохранение именно этой традиции семейных погребений при иных формах могильных сооружений" [35, с. 49]. В связи с этим следует уточнить, что данный процесс мог иметь место и на Северном Кавказе, где встречались двойные захоронения в каменных ящиках [11, с. 182-183]. Весьма примечательно, что двойные погребения встречаются, но в незначительном количестве, в насыпях 19/1, 24/6 и 25/1, т. е. там, где в могилах имел распространение средиземноморский антропологический тип [35, с. 42-49;

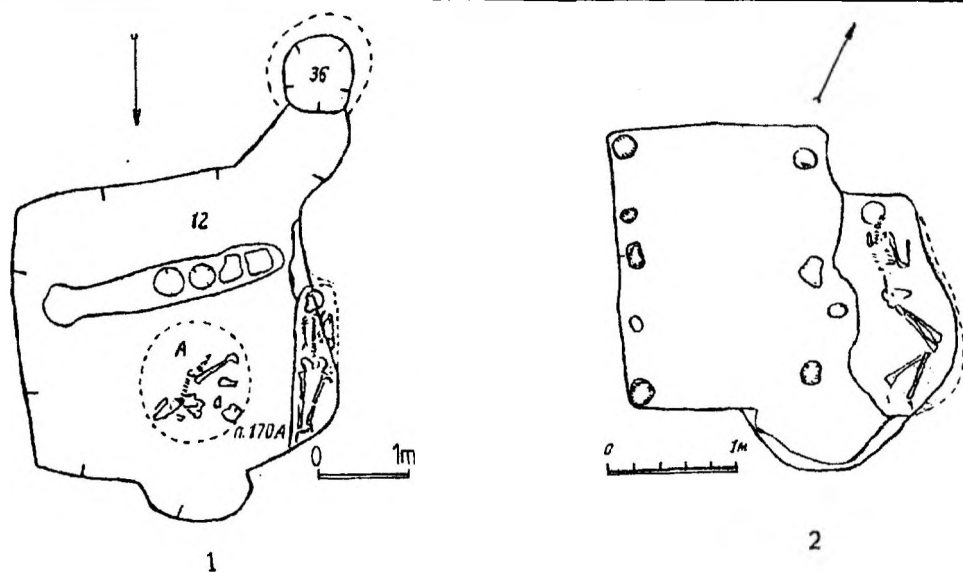

Рис. 5. Захоронения в жилищах салтовской культуры. 1 – погребение № 170 в северо-западной стене постройки у юго-западной стены Саркельской крепости (по О.П.Артамоновой); 2 – погребение в жилище на селище Дмитриевского комплекса (по С.А.Плетневой)

69, с. 275-277; 71, с. 318, 324; 72, с. 355]. В данном случае можно говорить о генетической связи двойных захоронений с носителями средиземноморского антропологического типа.

Однако совсем иная картина наблюдается в двойных погребениях насыпи 17/10. По наблюдениям О.П.Артамоновой, двойные захоронения встречаются как в начале древнерусского периода, так и в конце XI века. Отсюда последовал вывод, что "обычай вторичного погребения в одном и том же гробу нельзя рассматривать как признаки, свойственные раннему времени" [35, с. 48]. В связи с этим можно предположить, что традиция хоронить мужчин или женщин с детьми, а также мужчин и женщин вместе была присуща лишь определенным группам населения Белой Вежи. В насыпи 17/10 обнаружено 30 человек, похороненных по двое. Из них девять принадлежали к монголоидному типу, четверо – к смешанному, девять были европеоидами. У остальных черепов расовый тип определить не удалось [35, с. 45]. Обращает на себя внимание большой процент присутствия в двойных погребениях монголоидов. Складывается впечатление, что традиция групповых захоронений в Белой Веже получила распространение не только среди носителей средиземноморского антропологического типа, но и среди тех обитателей крепости, где процесс смешения расовых типов был наиболее интенсивным.

Это же можно сказать о погребенных на могильнике у Речных ворот у северо-восточной стены крепости (табл. II). По наблюдениям Л.Г.Вуич, В.В.Гинзбурга и Б.В.Фирштейна, здесь представлены расовые типы, которые встречаются в насыпи 17/10: "помимо европеоидов (долихо- и брахикранных), здесь обнаружены мезокранные черепа, очень близкие по типу с брахикранными, но характеризующиеся небольшой примесью монголоидных черт" [72, с. 367]. Из 19 (20) погребений на могильнике у Северо-восточных ворот 4 (№№ 3, 5, 15/16, 18) являлись двойными (табл. II). Это самый высокий процент распространенности двойных погребений на христианских могильниках Белой Вежи древнерусского времени. Весьма примечательно, что в двойных погребениях этого могильника обнаружено 3 брахикранных черепа типа среднеазиатского междуречья (САМ)

и один переднеазиатского типа (ПА), а также один мезокран смешанного типа (табл. II). Весьма характерно, что в могильной яме № 5, где было два скелета, находилось захоронение пожилого мезокрана, который принадлежал к средиземноморскому типу (СЗМ) (табл. II). На этом могильнике второе захоронение долихокрана этого же типа было обнаружено в могильной яме № 8 (табл. II). Общая характеристика погребений у северо-восточной стены выгладит следующим образом: все они представлены европеоидами; по черепному указателю половина мужских и два женских черепа относятся к брахикранному типу; треть мужских черепов мезокранна; лишь один череп – типичный долихокранный [72, с. 363]. Создается впечатление, что присутствие здесь черепов средиземноморского типа (СЗМ) отнюдь не случайно. Обращает на себя внимание, что могильник во многих чертах погребального обряда подобен северокавказским, например, нижнеархызскому [11, с. 182-183].

Из всех 20 (23) погребений могильника у Речных ворот пять были совершены по христианскому обряду в деревянных гробах (табл. II). Особый интерес представляет погребение мужчины (№ 19), которое было совершено в деревянном гробу, обложенном как кирпичами, так и каменными плитами (табл. II). Интересно также двойное погребение 15/16, которое находилось в яме, имеющей кирпичную обкладку (табл. II).

Нами уже было высказано предположение, что в Белой Веже при строительстве могильных сооружений кирпич мог заменять камень. Поэтому нет ничего удивительного, что погребение № 12 могильника у Речных ворот, где был погребен мужчина зрелого возраста неопределенного антропологического типа, содержало каменную обкладку могильной ямы (табл. II). Именно наличие на могильнике у северо-восточной стены двойных погребений, могильных ям, укрепленных кирпичом или камнем, позволяет говорить о прямых аналогиях с христианским кладбищем XI-XIV, которое находилось вблизи Нижнего Архыза на Северном Кавказе [11, с. 182-183]. Из 20 погребений отмеченного могильника 4 содержали незначительный инвентарь. В связи с этим особый интерес представляют серебряные бубенцы из погребения № 13 (рис. 9, 1, 2), находящиеся аналогии среди находок из захоронений христианского кладбища Верхнеджулатской церкви (XII-XIII вв.) и катакомб Змейского могильника (XI-XII вв.) в Северной Осетии (рис. 9, 3, 4).

Однако совершенно непонятно, почему на могильнике у северо-восточной стены (у Речных ворот) из 23 погребений лишь в двух содержались черепа средиземноморского антропологического типа (СЗМ), причем только один из них принадлежал долихокрану (погр. № 8) и один (погр. № 5) – мезокрану (табл. II). С чем было связано преобладание здесь брахикранов среднеазиатского междуречья (САМ)? Этому могут быть свои объяснения. Во-первых, из 23 погребенных антропологический тип удалось полностью установить лишь в десяти случаях (табл. II). Вполне возможно, что в остальных захоронениях могли находиться носители средиземноморского антропологического типа (СЗМ). Во-вторых, следует обратить внимание на наблюдения В.В. Гинзбурга, который считал, что могильник у Речных ворот находился отнюдь не случайно с внутренней стороны крепостной стены и был устроен в слоях руин городища. По мнению исследователя, "захоронения здесь относятся к позднему времени существования города, когда частые набеги половцев могли мешать жителям выходить из стен города, даже для погребения умерших" [69, с. 279]. Исходя из этого, можно предположить, что аналогичный, но более ранний, могильник должен был существовать за стенами крепости и он просто не был обнаружен. Возможно, процесс смешения носителей средиземноморского (понтийского) антропологического типа с носителями других расовых типов в Белой Веже был весьма интенсивным.

Таким образом, имеются основания связать отдельные захоронения древнерусского времени на могильниках у юго-западной и северо-восточной стен Беловежской крепости,

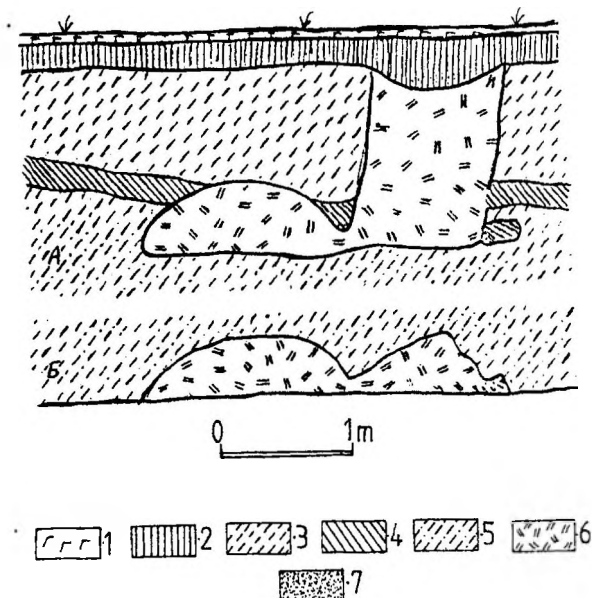
а также в насыпях 19/1, 24/6, 25/1, 17/10, с пребыванием здесь аланов, которые могли мигрировать в Подонье с Северного Кавказа уже после 965 г. На это указывают совпадения в антропологическом типе (долихо-мезокраны средиземноморского типа), конструкции погребальных сооружений (каменные и кирпичные обкладки могил), обряде погребения (двойные захоронения) и т.п. С другой стороны не стоит забывать, что в Белой Веже могло сохраняться в древнерусский период и аланское население предшествовавшего хазарского времени. Им-то могли быть оставлены ряд христианских захоронений в простых могильных ямах.

Возникает вопрос: когда в Белой Веже могли появиться захоронения в каменных ящиках? Если исходить из данных В.А.Кузнецова, то на Северном Кавказе аланы стали массово переходить к этому обряду в XI в. [62, с. 68-70]. Известно, что в первой половине XI в. степи Подонья и Предкавказья контролировали аланы, славяне и представители других народов. В 1055 г., по данным наших летописей, южнорусские степи заняли половцы. По мнению В.А.Кузнецова, с самого начала отношения между северокавказскими аланами и половцами должны были носить напряженный характер [11, с. 32-33]. Следовательно, последняя миграция северокавказских аланов в Саркел – Белую Вежу могла произойти в первой половине XI в.

Некрополи, подобные могильникам Белой Вежи у юго-западной стены крепости и у Речных ворот в предмонгольский период существовали и в других местах Восточной Европы. Наиболее интересным из них является "Бабий Бугор", который возник в XII в. в Болгарах на Средней Волге и продолжал функционировать в XIII-XIV вв. Это было также христианское кладбище, состоящее из 218 захоронений, где в ряде могил вдоль стен, на дне и сверху было зафиксировано присутствие каменных плит. В 20 случаях, в том числе в могилах с каменными обкладками, были обнаружены вводные разновременные захоронения в общую могильную яму [74, с. 205-207]. По наблюдениям Т.А.Трофимовой, краниологические серии из Бабьего Бугра обнаруживает близкое сходство с сериями из Верхнего Салтова и с черепами понтийского типа из могильников Северо-Западного Кавказа [75, с. 97-98]. Именно эти особенности позволили Е.А.Халиковой считать, что могильник "Бабий Бугор" был оставлен аланами, переселившимися с Северного Кавказа [74, с. 210].

Рис. 6. Катакомба салтовского типа (погр. № 3), обнаруженная во дворе Саркельской крепости (по О.П.Артамоновой): А – разрез; В – план;

1 – дерн; 2 – гумусированный слой; 3 – материковый суглинок; 4 – темно-коричневая глина; 5 – желтая комковатая глина; 6 – аморфный слой –заполнение погребальной камеры; 7 – сурчина.

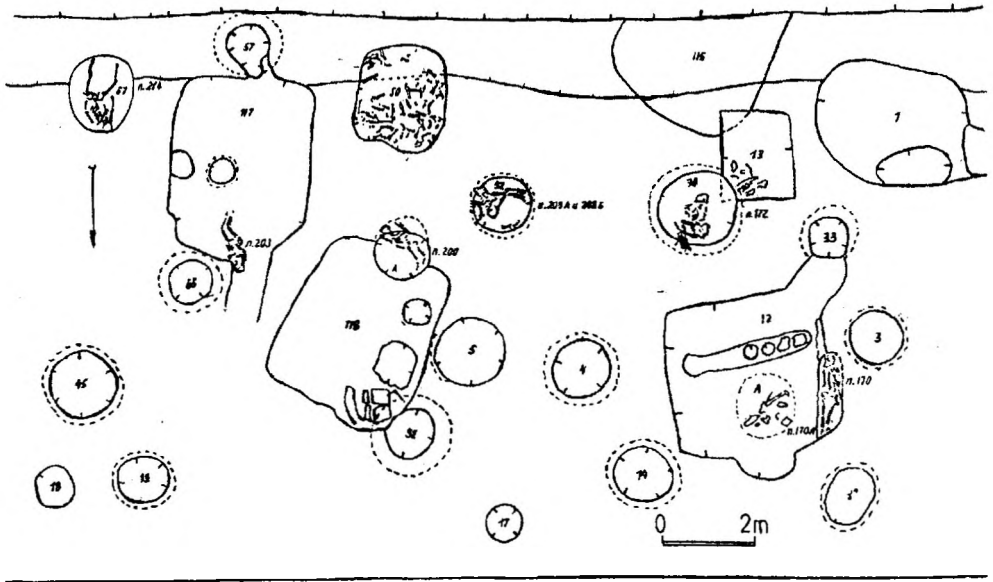

Рис. 7. Фрагмент участка салтовского могильника у юго-западной стены Саркельской крепости (по О.П.Артамоновой)

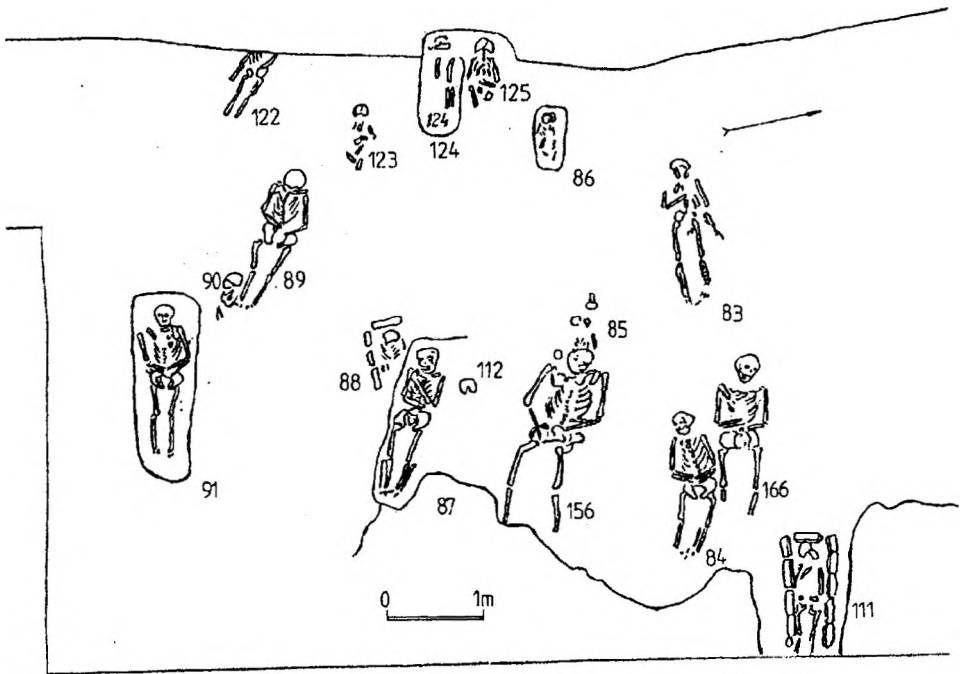

Рис. 8. Фрагмент участка христианского могильника у юго-западной стены крепости Белая Вежа (по О.П.Артамоновой)

Характерно, что изыскания филологического характера также позволяют высказать предположение о существовании в Саркеле – Белой Веже ирано-кавказского элемента. Наибольшее распространение получила интерпретация названия "Саркел", как составного тюркского термина – "*сар/шар*" (белый) и "*гил*" (дом, крепость), что в дальнейшем позволило считать название "*Белая Вежа*" переводом на древнерусский язык данного словосочетания. Весьма примечательно, что вторую часть этого топонима – "*гил*" (дом, крепость) Ч.Бартоломэ и А.П.Новосельцев склонны считать словом иранского происхождения [76, с. 22]. Однако С.А.Плетнева на этот счет придерживается иного мнения и полагает, что "*Саркел*" означает не "*белый дом*", а "*белая гостиница*" [9, с. 131; 54, с. 143]. Кроме того, А.П.Новосельцев склонен считать, что вторая часть славянского названия города – "*Белая Вежа*" представляет собой вошедшее в славянские языки иранское слово "*вежа*", означавшее поселение, укрепление, башню [9, с. 131; 81]. Что касается присутствия термина "*Сар*" (белый), то наиболее убедительным выглядит объяснение О.Прицака. Известный тюрколог считает, что в данном случае белый цвет был использован для указания на то, что данная крепость представляла собой стойбище западного крыла хазар к западу от их домена на Итиле. Необходимо исходить из того, что у тюрков, как и у некоторых их соседей, во времена раннего средневековья белый цвет использовался для обозначения запада [78, с. 4].

О том, что аланский язык имел распространение в Саркеле – Белой Веже, могут свидетельствовать отдельные находки с надписями, выполненными рунами. В связи с этим особый интерес представляет гипотеза Г.Ф.Турчанинова, согласно которой у средневековых аланов и их соседей существовало письмо, которое своим происхождением "оказалось связано с арамейскими, а в дальнейшем частично с древними и квадратными письменами достаточно старых форм" [29, с. 78-102; 79, с. 77-79]. Именно благодаря этому исследователю удалось создать систему знаков-рун, при помощи которых он пытался расшифровать средневековые надписи из многих мест Хазарского каганата, в том числе из Саркела. Особый интерес представляет предложенная Г.Ф.Турчаниновым дешифровка надписи на кистене, найденном в 1949-1951 гг. Волго-Донской экспедицией в Саркеле. По мнению дешифровальщика этой надписи, на кистене было написано "*кусылухсганг*", что следует переводить при помощи осетинского языка не иначе как "*Кусов кистень*" [28, с. 86-87]. Однако в связи с этим следует отметить, что М.И.Артамонов не видел в этих знаках буквы и признал в них великокняжеские знаки собственности, что могло свидетельствовать, по его мнению, о последовательной принадлежности кистеня пяти владельцам [80, с. 74-76].

Другая надпись, заинтересовавшая Г.Ф.Турчанинова, была выполнена на острке и содержала 43 знака. По мнению исследователя, здесь были "кроме букв сиронесторианского письма, налицо буквы салтово-маяцкого и древнеосетинского письма арамейского дукта, а также цифры арамейского счета". Исходя из палеографических данных, Г.Ф.Турчанинова посчитал, что надпись была составлена в X в. Он прочел ее при помощи осетинского языка следующим образом:

1. ... сельскому пра[вителю]
2. по 10 мужчин...
3. ... (из) ханских пах[арей]
4. по 2 взрослых нев[ольника]
5. по 16 (малых) копен се[на]
6. с ясов нужно по[лучить].

По мнению Г.Ф.Турчанинова, данная запись на острке "представляет собой некодифицированное письмо, письмо "без утروения", каковым было средневековое осетинское" [29, с. 110-114]. Однако в этой ситуации следует быть очень осторожным в выводах и необходимо обратить внимание на мнение М.И.Артамонова, который высказал

Рис. 9. Находки из захоронений предмонгольского времени могильников Белой Вежи и Северного Кавказа. 1-2 – серебряные бубенцы из погребения № 13 у северо-восточной стены Белой Вежи (по О.П.Артамоновой); 3 – золоченый бубенец из катакомбы Змейского могильника (по В.А.Кузнецову); 4 – бубенец из кладбища Верхнеджулатской церкви (по В.А.Кузнецову).

предположение, что данная надпись составлена из букв кириллицы [80, с. 79]. Весьма примечательно, что надписи на найденных в Нижнем Подонье флягах Новочеркасского музея Г.Ф. Турчанинов отнес к той же системе письма, но посчитал, что они выполнены не на средневековом осетинском (аланском), а на касожском языке. Это вполне соответствует предположениям тех исследователей, которые считают, что в 965 г. Святослав сначала взял белую Вежу, а потом победил проживавших поблизости ясов и касогов [26, с. 67-79; 29, с. 95-102; 79, с. 74-75, 79].

Не исключено, что свидетельством пребывания ираноязычных ясов в данном районе могут являться некоторые названия топонимического характера. Особый интерес в связи с этим представляет происхождение названия притока Дона и станицы – **“Цимла”**. По мнению И.Г.Добродомова, данное название в первоначальном виде могло иметь вид **“Чымлы”**, что на тюркских языках должно означать – “травянистое, покрытое растительностью”. Ввиду того, что тюркским языкам не присуще употребление согласного **“ц”**, вполне логично допустить индоевропейскую обработку термина. И.Г.Добродомов считает, что в данном случае “замена **ч** на **ц** могла произойти в языке ираноязычных аланов, прежних обитателей южнорусских степей, который взаимодействовал с языком приазовских тюрков”. Хотя следует отметить, что И.Г.Добродомов допускает и славянскую обработку названия **“Чымлы”** [81, с. 116-120].

В заключение хотелось бы обратить внимание на наблюдения С.А.Плетневой, которая считает, что хазарская крепость Саркел возникла прежде всего как торговый центр, находившийся на пересечении важных торговых путей. Эти же функции Белая Вежа продолжала выполнять и в древнерусский период. Интенсивная торговля могла способствовать, по мнению С.А.Плетневой, переселению в город различных групп населения, среди которых были и аланы [54, с. 142-158].

Древнерусские летописи сообщают, что в 6625 (1117) г. “придоша Беловежъци в Русь” [17, с. 204]. Вполне возможно, что в числе переселившихся на Русь беловежцев были ясы. Весьма характерно, что накануне в 1116 г. Ярополк, сын Владимира Мономаха, “ходи на половецкую землю, к реке Дону, и ту взя полон много и города пойма Половецкие, Галин, Чешуев, Сугров; и Ясы поймав с собою приведе...” [16, с. 24; 17, с. 7, 8, 291; 18, с. 207]. Создается впечатление, что половецкая опасность побудила в 1116 г. Ярополка пойти на половцев, и переселить беловежцев в 1117 г. на территорию Руси. Вполне возможно, что этими переселенцами-христианами были заняты земли на юге Руси для защиты от набегов половцев. И совсем не случайно в 1145, 1175 и 1182 г. как жители Руси упоминаются ясы [17, с. 91, 114, 125]. Не исключено, что среди них могли быть и выходцы из Белой Вежи.

Таблица I

Особенности погребального обряда отдельных захоронений древнерусского времени на могильнике у юго-западной стены Белой Вежи

№ п-я	Гл. м.я. (м)	Од.	Дв.	Пол	Возраст	Антр.т.	Поза п-х		Ор.	Д. г.	Кир. об.	Кам. об.	Ин.
							в/с	нар.					
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
5	1,15	х		М	Зрелый	Е,д,Сев.	х		ЮЗ	х	х		х
51	1,25	х		Ж	Старческ.	Е,д,Сев.	х		ЮЮЗ		х		х
64	0,90	х		Ж	Зрелый	Е,д,СЗМ	х		ЮЗ		х		
65	1,20	х		Ж	Зрелый		х				х		х
88	1,65	х		Р	до 1 года		х				х		х
103	1,35		х	М	Зрелый	Е,м,Сев.		х	ЗЮЗ				
				Ж	Зрелый	Е,б,САМ	х		ЗЮЗ				
111	1,55	х		Р	7-8		х		ЮЗ		х		
113	1,0	х		Р	до 1 года			х			х		
145	1,70		х	Ж	Зрелый	Е,м,САМ		х	ЮЮЗ				
				М	60	Е,-,СЗМ		х	ЮЮЗ				
149	1,55		х	М	60	Е,д,СЗМ		х	ЮЗ				
				Ж	50-60	Е,б,САМ		х	ЮЗ				
162			х	М	Старческ.	Е,д,СЗМ		х	ЮЗ				
				Р	8-9	-,б,-	х		ЮЗ				
198	о/м	х		М	55-60	Е,д,СЗМ	х		ЮЗ		х		
Все -го		8	4				10	6			8		4

Сокращения: Ан. – андроновский; антр.т. – антропологический тип; б. – брахикранный; в/с – вытянуто на спине; гл. м. я. – глубина могильной ямы; д. г. – следы деревянного гроба; дв. – двойное захоронение; д. – долихокранный; Е – европеоидный; Ж – женщина; ЗЮЗ – запад-юго-запад; Ин. – наличие инвентаря; кам. об. – наличие каменной обкладки могилы; кир. об. – наличие кирпичной обкладки могилы; м. – мезокранный, ПА – переднеазиатский, Сев. – северный, См – смешанный, ЮЗ – юго-запад, ЮЮЗ – юго-юго-запад.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Константин Багрянородный. Об управлении империей / Под ред. Г.Г.Литаврина и А.П.Новосельцева. М., 1991.
2. Артамонов М.И. Средневековые поселения на Нижнем Дону // ИГАИМК. 1929. №137.
3. Васильев А.А. Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Аморийской династии. СПб., 1900. Приложение.
4. Theophanes Continuatus // Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus / E rec. Bekkeri. Bonnae, 1838.
5. Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962.
6. Плетнева С.А. От кочевий к городам // МИА. 1967. №142.
7. Кулаковский Ю.А. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. К., 1899.

Таблица II

Особенности погребального обряда захоронений на могильнике древнерусского времени у северо-восточной стены Белой Вежи

№ п-я	Гл. м.я. (м)	Од.	Дв.	Пол	Возраст	Антр.т.	Поза п-х		Ор.	Д. г.	Кир. об.	Кам. об.	Ин.
							в/с	нар.					
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
1	0,45	x		М	Зрелый	Е,б,ПА		x	ЮЗ				
2	0,80	x		М	Зрелый	Е,б,Ан	x		ЮЗ				
3	1		x	М	Зрелый	СМ,м		x	ЮЗ	x			
				Ж	Возмуж.	-		x	ЮЗ				x
4	1,01	x		Ж	Зрелый	-		x	ЗЮЗ				
5	1,0		x	Ж	Старческ.	-		x	ЮЗ				
				М	Зрелый	Е,м,СЗМ	x		ЮЗ				
6	1,0	x		Р	Д I	-		x	ЮЗ				
7	1,0	x		М	Зрелый	Е,м,САМ	x		ЮЗ				
8	0,47	x		М	Зрелый	Е,д,СЗМ	x		ЮЗ				
9	0,80	x		М	Возмуж.	-		x	ЮЗ	x			
10	0,83	x		М	Зрелый	Е,б,-	x		ЮЗ				x
11	1,65	x		М	Зрелый	-	x		ЮЗ				
12	1,40	x		М	Зрелый	-	x		ЮЗ	x		x	
13	0,05	x		М	Зрелый	Е,б,-	x			x			x
14	1,10	x			Взросл.	-		x	ЗЮЗ				
15/	0,70		x	Ж	Зрелый	Е,б,САМ		x			x		
16				М	Юнош.	Е,б,САМ	x						x
17	0,55	x		Ж	Зрелый	-	x		ЮЗ				
18	0,30		x	М	Старческ.	Е,б,ПА		x					
				Ж	Возмуж.	Е,б,САМ							
19	0,55 (?)	x		М	Возмуж.	См,-	x		ЮЗ	x	x	x	
20	0,83	x			Взросл.	-		x					
Все -го		15	4				11	11		5	2	2	4

8. Кулаковский Ю.А. Епископа Феодора "Аланское Послание" // ЗООИД. Одесса, 1898. Т. XXI.
9. Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.
10. Бурачков П. О записке Готского топарха // ЖМНП. 1877. Август. Т. 2. СХСII (192).
11. Кузнецов В.А. Алания в X-XIII вв. Орджоникидзе, 1971.
12. Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Орджоникидзе, 1984.
13. Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья. К., 1990.
14. Айбабин А.И. Крым под властью Хазарского каганата // Тез. докл. междунар. конф. "Византия и Крым. Севастополь, 6-11 июля 1997 г.". Симферополь, 1997.
15. Lewicki T. Zródła arabskie do dziejów słowiansze zyzhy. T.1. Wroclaw-Krakow, 1956.
16. Воскресенская летопись // Полное собрание русских летописей. СПб., 1956. Т.VII.
17. Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. СПб., 1843. Т.II.
18. Приселков М.Д. Троицкая летопись (Реконструкция текста) М.-Л., 1950.
19. Первая Новгородская летопись // Полное собрание русских летописей. М., 1950. Т.IV.
20. Патриаршая или Никонова летопись // Полное собрание русских летописей. СПб., 1862. Т.IX.
21. Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Л., 1926. Т.II.
22. Караулов Н.А. Сведения арабских географов IX-X вв. о Кавказе, Армении и Азербайджане // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. 1908. Вып.38.

23. Бартольд В.В. Арабские известия о русах // Советское востоковедение. 1940. Вып.1.
24. Сахаров А.Н. Дипломатия Святослава. М., 1982.
25. Якубовский А. Ю. О русско-хазарских и русско-кавказских отношениях в IX-X вв. // Известия АН СССР. Серия истории и философии. 1946. Т.III. №5.
26. Грушевський М. Історія України—Русі. Т.I. К., 1991.
27. Минаева Т.М. К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь, 1971.
28. Турчанинов Г.Ф. Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. М., 1971.
29. Турчанинов Г.Ф. Древние и средневековые памятники осетинского письма и языка. Владикавказ, 1990.
30. Плетнева С.А. Печенеги и гузы на Нижнем Дону. М., 1990.
31. Плетнева С.А. Древние болгары в бассейне Дона и Приазовья // Плиска—Преслав. Праболгарската култура. (Материали от болгаро-съветската среща, Шумен, 1976, Т. II). София, 1984.
32. Мерперт Н.Я. К вопросу о древнейших болгарских племенах. Казань, 1957.
33. Ляпушкин И.И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона // МИА. 1958. №62.
34. Афанасьев Г.Е., Лопан О.В. Об одном исследовательском парадоксе в поисках этномаркирующих признаков протоболгар // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа (Тезисы докладов XIX "Кругловских чтений". Москва, апрель 1996). М., 1996.
35. Артамонова О.П. Могильник Саркела — Белой Вежи // МИА. 1963. №109. (Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т.III).
36. Гинзбург В.В. Антропологический состав населения Саркела — Белой Вежи // МИА. 1963. №109.
37. Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР // Труды Института этнографии АН СССР (Новая серия). 1948. Т.IV.
38. Вуич Л.Г. Антропологические характеристики черепов из ранних погребений Саркела // МИА. 1963. №109.
39. Фирштейн Б.В. Черепа из погребений во дворе Левобережного Цимлянского городища // МИА. 1963. №109.
40. Ефимова С.Г., Кондукторова Т.С. Население салтово-маяцкой культуры Восточной Европы по данным краниологии // МАИЭТ. 1995. Вып.IV.
41. Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М., 1989.
42. Флеров В.С. Погребальные обряды на севере Хазарского каганата. Волгоград, 1993.
43. Минаева Т.М. Могильник Байтал—Чапкан в Черкессии // СА. 1958. Т.XXVI.
44. Рунич А.П. Катакомбный могильник VII-VIII вв. около г. Кисловодска. // СА. 1968. №3.
45. Федоров Я.А., Федоров Г.С. Ранние тюрки на Северном Кавказе. М., 1978.
46. Плетнева С.А. От кочевий к городам // МИА. 1967. №142.
47. Савовський І.П. Нові сарматські поховання на Запоріжжі // Археологія. 1977. Вип.23.
48. Трифилъев Е.П. Археологические экскурсии в Купянский уезд Харьковской губернии // Труды XII АС в Харькове, 1902. М., 1905. Т. I.
49. Моця А.П. Скорченные захоронения древнерусских некрополей // Древности Среднего Поднепровья. К., 1987.
50. Плетнева С.А. Средневековые "амазонки" в европейских степях // Археологические памятники лесостепного Подонья и Поднепровья в I тыс. н.э. Воронеж, 1983.
51. Нарты. Эпос осетинского народа. М., 1957.
52. Флеров В.С., Нахпетян В.Е. Работы в Клин-Яре // АО-1986. М., 1988.
53. Бубенок О.Б. Етнічна належність ямних поховань Верхньосалтівського могильника // Археологія. 1993. №4.
54. Плетнева С.А. Саркел и "шелковый" путь. Воронеж, 1996.
55. Винников А.З. Жилые и хозяйственные постройки Маяцкого селища // Маяцкое городище. М., 1984.
56. Малютин А.И. Раскопки 1906 г. на Маяцком городище // Известия Археологической комиссии. СПб., 1909. Вып.29.
57. Плетнева С.А. Правобережное Цимлянское городище. Раскопки 1958-1959 гг. // МАИЭТ. 1994. Вып.IV.
58. Гинзбург В.В. Краниологические материалы из Правобережного Цимлянского городища // МИА. 1963. №109.
59. Артамонов М.И. Предисловие к III тому трудов Волго-Донской археологической экспедиции / / МИА. 1963. №109.
60. Кузнецов В.А. Рецензия на работу С.А.Плетневой "От кочевий к городам" // СА. 1962. №2.

61. Афанасьев Г.Е. К вопросу о происхождении аланского варианта салтово-маяцкой культуры / *Античные государства и варварский мир. Орджоникидзе, 1981.*
62. Кузнецов В.А. Аланская культура Центрального Кавказа и ее локальные варианты в V-XIII вв. // *СА. 1973. №2.*
63. Кузнецов В.А. Змейский катакомбный могильник (по раскопкам 1957 г.) // *Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. Орджоникидзе, 1961.*
64. Кузнецов В.А., Милорадович О.В. Археологические исследования в Северной Осетии // *КСИА. 1961. №86.*
65. Милорадович О.В. Христианский могильник на городище Верхний Джулат // *МИА. 1963. №114.*
66. Алексеев В.П., Бесплексева К.Х. Краниологическая характеристика средневекового населения Осетии // *МИА. 1963. №114.*
67. Алексеев В.П. Результаты исследований палеоантропологического материала из могильника у северного Зеленчукского храма // *Кузнецов В.А. Нижний Архыз в X-XII веках. Ставрополь, 1993.*
68. Герасимова М.М. Палеоантропология Северной Осетии в связи с проблемой происхождения осетин // *Этнографическое обозрение. 1994. №3.*
69. Гинзбург В.В. Антропологический состав населения Саркела – Белой Вежи // *МИА. 1963. №109.*
70. Бунак В.В. Черепа из склепов Северного Кавказа в сравнительно-антропологическом освещении // *Материалы по антропологии и этнографии. 1953. Т.XIV.*
71. Фирштейн Б.Ф. Черепа из насыпей возле Белой Вежи // *МИА. 1963. №109.*
72. Вуич Л.Г., Гинзбург В.В., Фирштейн Б.В. Черепа из погребений у оборонительных стен Саркела – Белой Вежи // *МИА. 1963. №109.*
73. Трофимова Т.А. Кривичи, вятичи и славянские племена Поднепровья по данным антропологии // *СЭ. 1946. №1.*
74. Халикова Е.А. О могильнике "Бабий Бурор" в Болгарах // *Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978.*
75. Трофимова Т.А. Антропологический состав населения г. Болгара в X-XV вв. // *Антропологический сборник. 1956. Вып. 1 (Тр. Института этнографии. Новая серия. Т. XXXIII).*
76. Bartholomae Ch. Zur Kenntnis der mitteliranischen Mundarten // *Sitzungsberichte der Heidelberger Academie der Wissens-Chaften. Bd. XI. Abh. 2. Phil.-Hist. Klasse, 1920.*
77. Новосельцев А.П. Термин "вежа" в древнерусских источниках // *Древнейшие государства на территории СССР, 1987. М., 1989.*
78. Pritsak O. Orientierung und Farbsymbolic. Zu der Farbenbeziehungen in der altaischen Völkernamen // *Pritsak O. Studies in Medieval Eurasian History. London, 1981.*
79. Турчанинов Г.Ф. О языке надписей на камнях Маяцкого городища и флягах Новочеркасского музея // *СА. 1964. №1.*
80. Артамонов М.И. Саркел – Белая Вежа // *МИА. 1958. №62.*
81. Добродомов И.Г. Цимла // *Русская речь. 1965. №1.*

BUBENOK O.V.
THE ALANS-YASS IN SARKEL – BELAYA VEZHA
Summary

The author considers the data of medieval narrative documents, the results of archaeological excavations, anthropological research and philological study, which enable us to assume the presence of the Alan-Yass element in Sarkel – Belaya Vezha and its neighbourhood.